Ю. М. Иванов

К ИСТОРИИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ РОССИИ. КОНЕЦ XIX ВЕКА — НАЧАЛО XXI ВЕКА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

ГЛАВА 3-я
В БОЛЬШЕВИСТСКИХ ТУПИКАХ НЭПА

Москва
2005

Иванов Юрий Михайлович — кандидат экономических наук, доктор исторических наук, сотрудник Института сравнительной политологии РАН

В БОЛЬШЕВИСТСКИХ ТУПИКАХ НЭПА

Коммунисты обманули рабочий класс. Рабочие отвоевали фабрики и заводы для коммунистов, они теперь являются господствующим классом над беспартийными рабочими и крестьянами. *Из заявления рабочих завода «Баррикады « по сводкам ГПУ*

«Советская власть — ярмо на шее крестьянина»; «Советская власть грабит и угнетает крестьянина».
Из заявлений крестьян по сводкам ГПУ

При натуральном обмене эпохи военного коммунизма запредельно раздутый большевиками государственный сектор фабрично-заводской промышленности уподоблялся проколотому шару — его производство стремительно сокращалось. В 1920 г. выплавка чугуна составила всего 1,5% мирного времени, соответственно выпуск продукции текстильной промышленности не превышал 4%, металлической — 2,5%.[1]

Тем не менее, и в условиях последовавшего затем ограниченного перехода к рынку это не помешало удерживавшим власть большевикам продолжать сохранять государственные основы управления всего фабрично-заводского комплекса, сужая тем самым и без того его скудные возможности товарно-денежного обмена с деревней.

И дело здесь не только в том, что за годы военного коммунизма этот комплекс пришел в немыслимый упадок, но и в том, что на европейской территории РСФСР фабрично-заводское производство в течение многих десятилетий было мало приспособлено к рыночному обмену с деревней. Производившийся в великорусских областях для продажи хлеб предназначался преимущественно для экспорта за границу. В этих условиях связи деревни с современной промышленностью опосредовались не столько внутритерриториальным, сколько международным разделением труда, включавшим промышленно развитые нерусские регионы самой Российской империи.

[1] Чижиков О. Л. Пути развития социалистической революции// Пути революции (статьи материалы, воспоминания) Берлин 1923. С. 128.

Как известно, внешнеэкономические связи с ведущей ролью деревни в денежном товарообороте были характерны, прежде всего, для аграрных стран Востока, что не исключало, однако, в отличие от них существования российской экспансии за рамками государственных границ с целью приобретения незернового сырья для фабрично-заводской промышленности. Ее существование сближало Россию с развитыми европейскими странами.

До войны Россия импортировала примерно две трети машин и орудий труда, в том числе предназначенные и для сельского хозяйства (даже косы были иностранного происхождения), где видное место в изготовлении крестьянского инвентаря занимали домашние промыслы и местные кустари. Что же касается рынка потребительских товаров: швейных, вязаных изделий, бумаги и т. д., то они производились главным образом на территории Польши, Прибалтики, Финляндии, где рыночные связи города с деревней (а вместе с ними и потребности) были несоизмеримо более развиты как в городе, так и в деревне, чем на европейской территории современной Российской Федерации.

Согласно данным профессора В. Гриневецкого, до войны «русская Польша, Прибалтийский край и Финляндия производили бумаги 70% всего производства России, галантерейных товаров — 74%, вязаных изделий — 71%, шерстяных изделий — 33%, готового платья -53%, грубых суровых тканей — 60-68%, мешков — 38%, металлических изделий -20%, металла для строительных целей и крестьянского обихода — 45%. Часть этих изделий, разумеется, потреблялась в пределах современных Финляндии, Польши, Латвии, Эстонии, Литвы, но значительная часть поступала и на рынок остальной России».[2]

Таким образом, с точки зрения международного разделения труда, экономика европейской территории РСФСР в значительной мере носила аграрно-сырьевой характер, в которой ведущее место занимал хлеб. Вызванный войной и революцией разрыв этих связей усугубил изолированность деревни от специализировавшейся здесь на выполнении военных заказов фабрично-заводской промышленности. Этой же изолированности в немалой степени способствовало провозглашение независимости Финляндии, Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, население которых не пожелало существовать на грани голодной смерти, уготовленной ему большевиками в годы военного коммунизма.

[2] Югов А. Из книги «Народное хозяйство Советской России и его проблемы» (Берлин, 1929)//Нэп. Взгляд со стороны. М, 1991. С. 225.

В связи с тем, что доведенная к тому же до немыслимого упадка фабрично-заводская промышленность РСФСР была не в состоянии обеспечить товарами крестьянский рынок, по инициативе Троцкого и Ленина в деревне был введен натуральный налог. При «полной невозможности удовлетворить крестьянское хозяйство городскими продуктами» натуральный налог представлял, по словам Ленина, «понижение разверстки до последних пределов», при одновременном получении дополнительных продуктов путем скупки продукции крестьян, получивших возможность приобретать «предметы местной кустарной промышленности».[3]

Таким образом, переход от продразверстки к продналогу в сущности замысливался не как окончательный разрыв с военно-коммунистической доктриной, а лишь ее модификацией, сопровождавшейся уменьшением прежних размеров продразверстки, предполагавшим, что крестьянин в рамках местного товарооборота сможет обменивать остаток на продукцию местных кустарей.

Не было нэповским нововведением и снабжение крестьян промышленными товарами за счет продукции кустарей. «Разрешение кустарям, в отступлении от всех правил, декретом ВЦИК еще в 1919 г. продавать свои изделия на базарах мотивировалось тогда, что кустари осуществляют положительную функцию по снабжению деревни самым необходимым, вообще многим таким, что город ей дать не в состоянии».[4] Большевики при этом исходили из непреложного факта того, что за годы войны и революции роль кустарной промышленности и домашнего производства в обеспечении деревни значительно возросла.

Военно-коммунистическим модификациям в годы нэпа подверглась не только деревня. В промышленности оплата труда в денежном измерении теперь охватывала выдачи ее как деньгами, так и натурой, включавшие, как и раньше, пайки изъятого у крестьян хлеба. Формально она была зарплатой, свойственной оплате наемного труда. По существу же она становилась таковой лишь отчасти, поскольку труд непосредственного производителя оплачивался деньгами, тогда как выдачи натурой, как и при военном коммунизме, представляли собой разновидность отработки.

Ориентированная преимущественно на военные нужды фабрично-заводская промышленность и в годы нэпа продолжала оставаться собственностью государства. Условием и предпосылкой

[3] Ленин В. И. Речь о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. Т. 43. С. 153,156.

[4] Кактынь А. Новая экономическая политика и ножницы (очередные задачи экономической политики). М., 1924. С. 22.

сохранения ее в прежнем виде в обстановке развивавшегося рынка могла быть лишь ужесточавшаяся властная монополия компартии, сопровождавшаяся ликвидацией не удостоившихся коммунистического благословения организаций и групп, способных в противовес компартии требовать демократизации и приватизации государственной собственности.

Весной 1922 г. XI съезд РКП(б) объявил, что коммунистическая партия является единственной легальной политической партией в стране.[5] В связи с этим, по инициативе Ленина, репрессировались не мирившиеся с насилием большевиков представители духовенства, по фальсифицированным обвинениям (политбюро 6 мая 1920 г. узаконило инсценированные суды[6]), производились массовые аресты членов партии эсеров и меньшевиков, принудительной высылке из страны подвергались видные представители интеллигенции, а также студенты, добивавшиеся элементарных демократических свобод. [7]Все эти ужесточения военно-коммунистического режима были лишь политическим выражением насущных потребностей экономики «единой фабрики» в условиях существования санкционированного законом рынка. Ее политические потребности в конечном счете сводились к ужесточению иерархии исполнительных органов власти в лице парткомов и исполкомов.

Декрет о замене продразверстки продналогом во многом был попыткой легализировать рынок эпохи военного коммунизма, не ставя его в прямую зависимость от производства продукции фабрично-заводской промышленности. Под этим углом зрения рассматривал, в частности, нэповские нововведения Л. Крицман, выступавший от имени Совета труда и обороны. Он отмечал «однородность экономической структуры периодов «военного коммунизма» я новой экономической политики». По Л. Крицману, «Рынок — важнейшая категория — был как тут, так и там, с той только разницей, что государственная промышленность при «военном коммунизме» легально на нем не выступала».[8] С его точки зрения, с переходом к нэпу ничего качественно нового не произошло.

Независимо от различия оценок одно не подлежит сомнению — переход к продналогу отнюдь не был отказом от военно-коммунистических начал большевистского режима. Его прежние

[5] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1.М., 1936. С. 438.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 62. Л. 2.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 290. Л. 30.

[8] См. Крумин Г. К вопросу о стабилизации рубля// Экономическая жизнь. М, 1923. №9.

новы были сохранены с расчетом восстановления их в дальнейшем в полном объеме. Для большевиков нэп был лишь временным вынужденным отступлением, обусловленным массовым протестом, как они полагали, «деревенской буржуазии», протестом, захлестнувшим широкие слои рабочих. Рынок же в их перепуганных глазах оставался тем рассадником буржуазии и капитализма, который они надеялись поскорее уничтожить.

В своей оценке капиталистической природы рынка они не были одиноки. Достаточно бегло перелистать публиковавшиеся в то время работы не только большевиков, но и меньшевиков, а также ряда западных социал-демократов (например, Каутского), не говоря уже о тех, кто неприязненно относился к идеалам социализма, чтобы убедиться в том, что, несмотря на взаимную враждебность этих течений, их объединяет по крайней мере одно — все они полагали, что индивидуальные владельцы хозяйств являются представителями буржуазии, и что рынок способен генерировать только капитализм.

Подобная оценка была правомерна для капиталистической эпохи, где рыночные отношения получили наибольшее развитие в годы промышленного переворота. Именно это обстоятельство послужило основанием для основоположников марксизма напрямую увязывать существование рынка с развитием капитализма, и предлагать в качестве его социалистической альтернативы всеобщее огосударствление производства.

Но исторический процесс развивался сложнее и своеобразней, чем предполагали марксисты в первой половине XIX века. Тот самый рынок, который до этого содействовал развитию капитализма, в ходе своего дальнейшего развития привел к отрицанию последнего, породив новые формы обобществления производства в виде акционерных компаний, в которых ведущая роль в организации производства прибавочной стоимости принадлежала уже не капиталистам, а управленческому персоналу, на что, кстати, одними из первых обратили внимание Маркс и Энгельс, которые доказывали, что по мере роста акционерных компаний «производство становится общественным», а его частнокапиталистические формы упраздняются.[9] Это дало им основание обосновано утверждать, что «вследствие развития самой системы капиталистического производства капиталист вытесняется точно так же, как ткач, работающий на ручном станке».[10]

[9] См. Маркс К. Капитал. Т. 25. Ч. 1. С. 479.

[10] Энгельс Ф. Общественные классы — необходимые и излишние. Т. 19. С. 298-299.

Эту же мысль в еще более четкой форме высказал Энгельс, критикуя в конце XIX века традиционные представления социал-демократов относительно роли индивидуального частного предпринимательства. «Что же представляет собой частное капиталистическое производство? — риторически спрашивал он, — Производство, которое ведется отдельным предпринимателем; а ведь оно уже все больше и больше становится исключением. Капиталистическое производство, ведущееся акционерными обществами — это уже больше не частное производство, а производство в интересах многих объединившихся лиц. Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности».[11]

В этих условиях заведения, обладавшие видимостью индивидуальных частных хозяйств, как правило, превращались в придаток, в подразделения его обобществленных форм, представленных акционерными обществами и трестами, зачастую обслуживая последние за пределами их собственной организации. В промышленно развитых странах такие хозяйства концентрировались преимущественно в городах, в аграрно-отсталых их численность росла и в деревне, где оплата труда непосредственных производителей из-за связей с земледелием была ниже, чем в городе.

Сказанное не исключает того, что Маркс и Энгельс считали подобное обобществление производства капиталистическим, поскольку сохранялась купля-продажа рабочей силы, а вместе с ней и производство прибавочной стоимости. Не случайно, поэтому они утверждали, что даже в том случае, если государство максимально национализирует средства производства, оно останется «совокупным капиталистом».[12]

В начале XX века многочисленные сторонники социализма, в том числе и большевики, не замечали, что на их глазах в форме акционерных компаний и трестов происходит становление социалистического способа производства, обусловленное развитием усложнявшегося рынка. Иными словами, предсказанное марксистами и другими поборниками социализма рождение социалистической формации протекало далеко не так, как они предполагали.

Что касается инициаторов перехода к нэпу — Троцкого и Ленина, то они тогда еще не переступали мысленно тех границ, в

[11] Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891г.Т.22.С234.

[12] См. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Т. 20. С. 290.

которых проживала полудеклассированная деревенская беднота, и потому теоретически приходили к тем же практическим решениям, которых она добивалась в силу своего места в системе общественного производства. Для нее каждый обеспеченный крестьянин неизменно выступал в роли частного предпринимателя, отношения с которым строились преимущественно на внерыночных основах, на отработках того, что в той или иной форме натурой предоставлял этот крестьянин, клеймившийся большевиками в качестве мелкого буржуа, враждебного благополучию громадного большинства населения деревни, и в то же время необходимого большевистским властям в качестве основного поставщика продовольствия для городского населения.

Стихийно следуя российским большевикам, коммунисты аграрных стран Востока первоначально тоже пытались военно-коммунистическими методами разрешать противоречия между деревней и городом путем ликвидации неразвитых рыночных связей между ними и замены их внеэкономическим изъятием всех так называемых «излишков» продовольствия, либо окончательным уничтожением городов как это случилось, например, при режиме Пол Пота в Камбодже.

В условиях замкнутости доминировавшей в хозяйственной жизни деревни предпосылкой форсированного вовлечения последней в национальное производство прибавочного продукта отношения, подобные военно-коммунистическим, по-видимому, становятся неизбежными. Но эти отношения могут выполнить свое историческое предначертание только тогда, когда в сельской местности, опираясь на внеэкономические рычаги, насаждается мелкое промышленное производство — предвестник развития рынка, как это было, например, в континентальном Китае в годы большого скачка.

По поводу большого скачка нами в прошлом было написано немало глупостей. Советские исследователи либо по недомыслию, либо сознательно не замечали, что в течение 20 лет (с 1949 по 1969 гг.) национальный доход Китая вырос в 4 раза, а его среднедушевая норма -в 2,7 раза.[13] Не замечали и того, что уже в 1959 г. мелкие предприятия давали половину всего чугуна, половину добываемой в стране руды, 40% всего добытого угля.[14]

Поднятая в нашей печати политическая трескотня подогнала все под ранжир советской гигантомании, доказывая преиму-

[13] Сладковский М. И. Характеристика социально-экономического строя КНР. М., 1970. С. 71.

[14] Еременко Ю. Я. «Большой скачок» и народные коммуны в Китае. М., 1966. С. 64.

щества крупного производства над мелким, тогда как их китайские оппоненты продолжали с успехом гнуть свою линию, содействуя развитию мелких хозяйственных форм. Подобные споры вообще бессмысленны. Они уподобляются пререканиям лошади и верблюда, пересказанным Маяковским. «Лошадь сказала, взглянув на верблюда: «Какая гигантская лошадь-ублюдок». Верблюд же вскричал: «Да лошадь разве ты?! Ты просто-напросто — верблюд недоразвитый». И знал лишь бог седобородый, что это — животные разной породы».

Благодаря дешевизне рабочей силы мелкие предприятия Китая успешно конкурировали с фабрично-заводскими гигантами. Но это еще не самое главное. Созданная из-под палки силами коммун и производственных бригад мелкая промышленность в итоге обеспечила интеграцию деревни с современным промышленным производством, породив высокие темпы индустриализации страны. Формы этой интеграции многообразны: от промышленных предприятий непосредственно связанных с городским крупным производством, до предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, выпускающих средства производства для крестьянских хозяйств и т. п. Еще до китайских коммунистов то же предлагали Троцкий и Ленин, призывая развивать сельские кустарные промыслы. Однако российские большевики в борьбе с рынком так и не вняли этому призыву.

В обстановке роста денежных отношений в отсталых странах мелкое промышленное производство способствует зарождению у населения качественно новых потребностей, удовлетворение которых оказывается в непримиримом противоречии с широким использованием подневольного труда, превращающимся в преграду на пути дальнейшего роста национального производства прибавочной стоимости. В связи с этим коммунистические власти вынуждались расширять сферу товарно-денежных отношений, пытаясь одновременно ретроградски сохранить командно-административные основы управления экономикой, как это можно наблюдать и сегодня, в частности, на Кубе.

Именно этим обстоятельством объясняется теперешний призыв российских коммунистов повернуть историю вспять. Осознав неизбежность существования злокозненного для них рынка, они требуют возродить отношения, свойственные нэпу, а вместе с ними и командно-административные основы управления экономикой и страной.

Естественно, что в современных условиях существования развитых рыночных отношений не только в западноевропейских странах, но и в самой России, подобные призывы звучат не более как нонсенс, в связи с чем, как не раз бывало в нашей истории, коммунистам вновь приходится доказывать «посконную, домотканую» приверженность России к социализму, против чего, между прочим, всегда решительно восставали руководители Октябрьского переворота, на роль наследников которых сегодня претендует российская компартия во главе с Зюгановым.

Как мы уже отмечали, приступая к переходу к рынку, большевики терзались опасениями возможного возрождения капитализма. Инициировавшие реформу Троцкий и Ленин полагали, что переход к товарно-денежным отношениям, содействуя развитию капитализма, обусловлен исключительно российской отсталостью, по мере ликвидации которой между городом и деревней установится натуральный обмен, а вместе с ним, согласно канонам марксизма, заря социализма сменится его непрерывным солнцестоянием. «Если крупная промышленность, — говорил Ленин, — находится в цветущем состоянии, если она может сразу снабдить мелких крестьян достаточным количеством продуктов, чем прежде, и установить таким образом правильные отношения между поступающими от крестьян запасами сельскохозяйственных продуктов и промышленными изделиями, то крестьянство будет вполне удовлетворено... Если же этого нет, -продолжал он, — то не может быть другой экономической связи... между земледелием и промышленностью, как обмен, как торговля».[15] Важнейший показатель отсталости — натуральный продуктообмен в глазах большевиков бьш признаком прогресса, тогда как его рыночные формы — выражением регресса, уводившего их от основных магистралей грядущего социалистического развития.

Рынок с его товарно-денежными отношениями, с их точки зрения, был лишь пережитком капиталистической эпохи. Не случайно, например, Ленин отождествлял перевод промышленности на рыночные основы с переходом «по сути в значительной степени на коммерческие и капиталистические основания»,[16] полагая их отступлением, возвратом государственной промышленности «к приемам, способам, к методам деятельности государственного капитализма».[17]

[15] Ленин В. И. О внутренней и внешней политике республики. Отчет ВЦИК и СНК Т. 44. С. 306, 308.

[16] Ленин В. И. Проект тезисов о роли задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики Т. 44. С. 343.

[17] Ленин В. И. Доклад о новой экономической политике. Т . 44. С. 206-207.

Такое видение рынка исключительно сквозь призму капитализма во многом предопределило боязливый характер начинаний большевиков в деле рыночного реформирования экономики. Еще в марте 1920 г. Троцкий, отмечая, что продразверстка подрывает не только сельское хозяйство, но и угрожает разрушить всю хозяйственную жизнь страны, предложил ввести процентный натуральный налог, снабжая крестьян промышленной продукцией, исходя не из обслуживания в первую очередь нужд бедноты, а в соответствии со сданным количеством зерна. Тогда это предложение не прошло: Троцкого поддержали 4 члена ЦК, против проголосовали 11, включая Ленина.

Однако не прошло и года, как тот же Ленин, убедившись в бессилии остановить протесты фабрично-заводских рабочих против продразверстки, сам предложил вернуться к идее Троцкого в качестве основы для практического перехода к продналогу, который становился главным ограничителем рыночных отношений, выводя за их рамки основную долю прибавочной стоимости, создававшейся в сельском хозяйстве. Согласно декрету ВЦИК, опубликованному 21 марта 1921 г., торговля за деньги разрешалась только в пределах местного хозяйственного оборота, тогда как циркуляция основной массы продуктов между городом и деревней должна была осуществляться под государственным началом в порядке натурального обмена. «Сама техника товарообмена, — пишут В. А. Архипов и Л. Ф. Морозов, -представлялась так: машины, инвентарь, удобрения, промышленные товары государство будет передавать кооперации, а та — распределять их в обмен на излишки продуктов и фуража. Эти товары и продукты должны были принадлежать государству. Товары самой кооперации могли обмениваться между кооперативами и частными лицами».[18]

Однако потребность в рынке и в городе и в деревне была настолько велика, что уже через несколько месяцев, к лету 1921 ., сельские базары стали частью стихийно рождавшегося всероссийского рынка, за рамками которого, по словам Рыкова, оставалось приблизительно две трети России, где никакой торговли не было. Единственными «коробейниками» здесь были заезжие цыгане.[19]

[18] Архипов В. А. Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е — начало 30-х годов. М.,1978.

[19]. Протокол и стенограмма объединенного собрания фракции РКП(б) при ВЦСПС центральных комитетов профессиональных союзов и МГСПС по вопросу об экономической политике государства 5 января 1924 г. Доклад Рыкова. РГАСПИ. Ф.95. Оп.1. Д.42.. Л.21-22.

Экономически развитые районы страны были территориально ограничены. Потребность в рынке в них была столь настоятельна, что она смела ряд рыночньи ограничений, установленных большевиками. «Частная торговля, — пишет Л. Н. Суворова, — к лету вышла за пределы рынков и базаров, началось ее расширение в виде разносной (розничной в городах и на железнодорожных станциях появилась мелкая лавочная торговля). С осени 1921г. возрождаются местечковые и сельские ярмарки, где торговля шла или в розницу или в основном в обмен».[20]

В городах в обстановке начавшегося перехода к рынку участниками базарной и уличной торговли становились не только профессиональные торговцы, но и те, кто по каким-то причинам были лишены пайка: домохозяйки, инвалиды, снятые с госснабжения рабочие и служащие. В частности, как пишут В. А. Архипов и Л. Ф. Морозов, «социальный состав торгующих на рынках Петрограда весной 1922 г. -домашних хозяек 28,4%, рабочих 15,3%, ремесленников 13,4%, служащих 5,7%, бывших торговцев 26,2%, других или не выясненных 11%. Таким образом, для многих торговля с рук была побочным занятием (связанным с приобретением продовольствия, на долю которого приходилось свыше 63% расходов рабочей семьи — Ю. И.), от которого постепенно отходили. Соответственно с этим частная торговля приобретала стационарный характер».[21]

Но и эти едва приоткрывшиеся створки, сквозь которые прорывались рыночные связи, рассматривались большевиками лишь как временное отступление, призванное подготовить почву для установления исключительно натуральных связей. В этом отношении весьма типично заявление Ленина, сделанное во время его последнего в жизни публичного выступления в конце 1922 г. «Не завтра, — говорил он, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу, во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая».[22]

Подобные настроения, естественно, сказались и на темпах перехода к продналогу. «Продразверстка первоначально была отменена только в 40 губерниях и нескольких автономных образованиях. На остальные районы это решение распространялось по мере

[20] Суворова Л. Н. Политическая власть, государство и рынок в 1920-1923 годах//Нэп в контексте исторического развития России XX века. М.,2001. С. 61.

[21] Архипов В. А. Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов... С. 39.

[22] Ленин В. И. Речь на пленуме московского совета 20 ноября 1922 г. Т. 45. С. 309.

выполнения заданий по продразверстке».[23] В Сибири еще в конце 1921 г. продолжали оставаться закрытыми для всех форм обмена и торговли основные районы производства хлеба — Славгородский, Каменский и Калачинский уезды, вся Акмолинская область и часть Енисейской губернии.

Но кризис военного коммунизма был слишком глубок, чтобы можно было выйти из него, ограничиваясь косметическими мерами. Уже летом 1921 г. стало ясно, что крестьяне отказываются от участия в прямом продуктообмене, что они предпочитают за деньги продавать свою продукцию и за деньги же покупать изделия промышленности. Отказ крестьян от натурального продуктообмена объяснялся просто. При натуральном обмене сельской продукции на промышленную установленный государством эквивалент в довоенных ценах составлял один к трем, тогда как на вольном рынке в условиях неурожая такое соотношение было явно в пользу крестьянина, располагавшего зерном.

В связи с этим совнарком был вынужден в наказе «О проведении в жизнь начал новой экономической политики» (9 августа 1921 г.) рекомендовать расширить сферу денежных отношений, вывести последние за рамки местного хозяйственного оборота, активно переходить к торговым формам обмена между городом и деревней после выплаты натурального налога последней.

На всем протяжении нэпа над ним витал не умиравший дух военного коммунизма, порождая в деревне возмущение всех: деревенская беднота — отказом от последовательного проведения в жизнь военно-коммунистической политики, имущие крестьяне, выплачивавшие налог — сохранением основных начал этой политики.

В этих условиях, лишь опираясь на грубейшее насилие, можно было заставить крестьян подчиняться предписаниям властей. Дня претворения своей политики большевики использовали вчерашних крестьян — демобилизованных командиров Красной Армии, где их приучали без раздумий выполнять и отдавать приказы соответственно требованиям начальства. Выдвижению на руководящие должности таких демобилизованных всемерно содействовал секретариат ЦК. Как говорил Каганович, «надо продвинуть партийца, который прошел огонь и воду гражданской войны... вот основная задача».[24] Таких партийцев, «прошедших огонь

[23] Нэп. Приобретения и потери. М. 1994. С. 166.
[24] Цит. по: Соколов А. К. Лекции по советской истории. 1917-1940. М., 1995. С. 135.

и воду гражданской войны», сплошь да рядом ставили руководителями местных органов власти, чтобы они ретиво претворяли в жизнь все то, что им предписывалось сверху.

О том, как они выполняли руководящие указания, дают представление перечисленные Л. Н. Суворовой сведения, почерпнутые из партийных архивов. «Как отмечалось, — пишет она, — в отчете Новгородского губкома за 1925 г., «особенно тяжело отзывается на крестьянстве метод работы советских и других работников. А метод этот — почти сплошное командование, окрик власть имущих, метод отъявленного бюрократизма, волокиты, взяточничества, вымогательства. «Некоторые сельсоветы, сообщалось из Брянской губернии, так командуют, что доходят до кулачной расправы»; многократно отмечались случаи хищений, пьянства, дебоширства работников советов, их грубости (мат «топором» висит в воздухе»), запугивания по отношению к крестьянам (Брянская, Вологодская, Воронежская, Калужская, Курская и ряд других губерний)».[25] Как сказал бы Чехов, дорвавшиеся до власти мужики, как и до революции, «третировали мужиков как низших животных».

Пройдя огонь и воду гражданской войны, выдвиженцы уподоблялись по удачному выражению В. Ф. Тендрякова, двуликому Янусу, — деспота и раба одновременно. «Безжалостного деспота по отношению к нижестоящему и униженно преданного раба по отношению к вышестоящему».[26] Их произвол мог оставаться безнаказанным лишь потому, что за ними стояла всемогущая карательная машина, отлаженная еще в годы военного коммунизма.

У крестьян не было легальных средств остановить произвол властей. Так, в Воронежской губернии «председатель сельсовета села Копанная Острожского уезда насиловал женщин и брал взятки. Крестьяне подали жалобу в волостной исполнительный комитет. В результате подавших жалобу «за неподчинение власти» осудили на 3 месяца принудительных работ. Жалобы крестьян ни к чему не привели».[27] В Орловской губернии «начальник Богородицкой волостной милиции избил одного крестьянина до полусмерти. Тот обратился за освидетельствованием к фельдшеру, который, боясь мести начальника, от освидетельствования отказался».[28]

Такие случаи в сводках ГПУ фигурировали постоянно. Они были неотъемлемой чертой деятельности большевистских властей.

[25] Суворова Л. Н. Политическая власть, государство и рынок... //Нэп в контексте исторического развития России... С. 95.
[26] Тендряков В. М. Охота. 1991. С. 434.
[27] «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922 — 1934). Т. 2. Часть 2. 1924 г. М, 2001. С. 356.
[28] Там же.

Об этом красноречиво свидетельствует, в частности, следующая ремарка составителей одной из дежурных сводок ГПУ: «Подобные лица (речь идет о руководителях властных структур в деревне — Ю. И.), имея неограниченные возможности и в отношении личного обогащения, и в смысле полнейшего произвола, превращаются в настоящих диктаторов на местах, при этом ими недовольны все без исключения слои крестьянства. Если к этому добавить пьянство, имеющее размер большой социальной болезни, то налицо основные черты, характеризующие аппарат».[29]

Указанный аппарат отличался от неустойчивого сельского аппарата эпохи военного коммунизма, когда комбеды не только поддерживали советскую власть, но и нередко участвовали в расхищении собранного по продразверстке зерна. Новый аппарат до конца был предан советской власти, активно проводил ее политику, ибо от ее успеха зависело благополучие тех, кто ее проводил. Будучи периферийными ответвлениями государственного организма, властные структуры деревни уподоблялись щупальцам гигантского спрута, перекачивавшего продовольствие из деревни в город.

От такого перекачивания в наибольшей мере страдала деревенская беднота. В условиях рынка бедняки уже не могли безвозмездно существовать за счет «излишков» продовольствия, старательных, по выражению Ленина, крестьян. Продналог, взимавшийся с земли и скота, их разорял. Имущество неплательщиков вплоть до одежды, топоров, чугунов конфисковывалось, а их дома разбирались на дрова, использовавшихся властями. На этой почве росло озлобление бедноты, как против жирующих властей, так и кулаков, к которым она попадала в кабалу.

Одновременно приходили в упадок и насаждавшиеся в прошлом большевиками коллективные хозяйства. Число коммун, производственных артелей и товариществ по совместной обработке земли быстро сокращалось. Не подлежит сомнению, что, если бы не последовавшие специальные меры, предпринятые компартией, эти постоянно подпитываемые бюджетом, убыточные формы производства в условиях развивавшегося рынка в недалеком будущем должны были сойти на нет.

В неспособности артелей и коммун немедленно перестроить сельское хозяйство на социалистических началах в конце 1920 г. убедился и Ленин. Выступая на VIII Всероссийском съезде советов, он заявил: «Я знаю, что колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии, что они оправдывают название богаделен. Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится».[30] Эту же мысль Ленин продолжал развивать и на X съезде партии, где он говорил, что опыт коллективных хозяйств «только показывает пример, как не надо хозяйничать: окрестные крестьяне смеются или злобствуют. Вы прекрасно знаете, сколько было таких примеров».[31]

[29] Там же. С. 427.

И в годы военного коммунизма и в годы нэпа в деревне изымались «излишки» продовольствия. Но, если раньше экономическая политика строилась, исходя из первоочередности удовлетворения нужд полудеклассированного большинства деревни, то теперь — из первоочередности удовлетворения нужд фабрично-заводской промышленности, представленной «единой фабрикой». В этом, на наш взгляд коренится главное отличие эпохи военного коммунизма от нэпа, послужившего прологом сталинского социализма.

Следуя политике благоприятствия увеличению производства «излишков» продовольствия, комбеды были распущены, земельные переделы приостановлены, началась ликвидация общинного землевладения. «Возвращавшиеся из Красной Армии после окончания гражданской войны солдаты, — пишет А. Югов, — часто вновь требовали переделов. В ряде районов переделы производились каждые 2-3 года и у крестьян отнимались всякие стимулы не только к переходу к многопольной системе земледелия, но даже и к удобрению или мелиорации своего надела. Необходимость развить экспорт хлеба заставила советскую власть ликвидировать комитеты бедноты и в 1923 г. издать декрет, ограничивающий периодические переделы земли одним разом в 9-12 лет (трехкратный севооборот)».[32]

Важно и то, что еще до перехода к продналогу, декретом от 30 апреля 1920 г., запрещалось «производство полных переделов», а «частные допускались только с разрешения местных земельных органов». В декрете также говорилось, что «при полных переделах и разверстании земель в обществе любое число хозяйств, а также и отдельные дворы, имеют право выходить из общества без его на то согласия и требовать отвода им земли к одним местам».[33] Идея

[30] Ленин В. И. Речь при обсуждении законопроекта СНК «О мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства» на фракции РКП(б) VIII съезда советов 24 декабря. Т. 42. С. 180-181.

Ленин В. И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта. Т. 43. С. 60.

[32] Югов А. Из книги «Народное хозяйство советской России и его проблемы». (Берлин, 1929)// Нэп. Взгляд со стороны. М., 1991. С. 206.

столыпинского разрушения общины с выселением на отруба и хутора в качестве меры, предшествующей организации «пролетарских совхозов и коммун» здесь присутствует несомненно. Иного пути разрушения общины с ее средневековыми устоями в тот момент попросту не было. Ее ликвидация претворялась в жизнь с благословения Ленина.

Сегодня мы многое подзабыли. Члены КПРФ, заверяющие нас в своей приверженности ленинскому наследию, ныне в качестве новейшего достижения марксисткой мысли провозглашают общину неотъемлемым компонентом российского менталитета, свидетельствующим об исконной приверженности русского народа к социализму. Позвольте, может сказать читатель, так то же утверждали народники, с которыми Ленин вел борьбу не на живот, а на смерть, и будет, несомненно, прав. Кроме эклектического сумбура в теории, прикрывающего корыстные интересы диктовать крестьянам все и вся, за душой коммунистов КПРФ явно ничего не осталось.

Если в годы военного коммунизма, беднота занимала командные позиции в деревне, то в условиях рынка ей пришлось испытать участь отверженных, что предопределило ее нараставшую готовность «вместе с частью партийных работников начать вновь процесс раскулачивания».[34] Для сельского бедняка возможности выживания за счет собственного труда в обстановке нэпа были крайне ограничены.

С точки зрения заработка наилучшим вариантом для него был промысловый отход — уход из деревни в переполненный безработными город, где, ютясь, где придется, без семьи, он либо сам нанимался трудиться по найму, либо, что бывало чаще, работал в артели, находясь у ее руководителя по уши в долгах. Естественно, что наиболее привлекательными для промыслового отхода были центры концентрации фабрично-заводской промышленности — Москва и Ленинград — с их самыми высокими заработками на территории РСФСР.[35] В Москве, например, минимальная ставка неквалифицированного рабочего в июле 1925 г. составляла 12 руб. Сюда устремлялось батрачество Рязанской, Тульской, Смоленской и других губерний вплоть до Азербайджана. Лишь

[33] См. Майоров И. «Земельная политика большевиков//Пути революции (статьи, материалы, воспоминания). Берлин, 1923. С. 169.
[34] Циркунов С. В. В лабиринте доктрины. М, 1974. С. 127.
[35] См. Стенограммы, резолюции V Всесоюзного профсоюза Всеработземлеса и материалы к тарифно-экономическому совещанию январь 1926-январь 1927. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 91. Л. 42.

малая толика из них (160 тыс. в конце 1925 г.) регистрировалась в городах на биржах труда, что служит показателем только видимой безработицы, который был многократно меньше ее подлинной величины. По словам предсовнаркома А. И. Рыкова, она составляла порядка миллиона человек.

Оставаясь деревне, не имея коней и соответствующего инвентаря, бедняк попадал в кабалу к зажиточному крестьянину, сдавая ему в аренду свой надел либо батрача на него за содержание. По сравнению с отходом единственным преимуществом жизни в деревне была постоянная возможность общаться с семьей, а то и проживать вместе с ней, что скрашивало его чрезвычайно убогое полуголодное существование. Зато затраты на его содержание здесь были наиболее низкими: вместе с харчами они составляли порядка 40 копеек в день.

Подлинные его мучения начинались тогда, когда ему приходилось трудиться в сельской местности вдали от дома. Зимой это обычно была работа подручного у крестьянина, подрядившегося у властей на своих лошадях артельно вывозить из леса спиленные и обрубленные стволы деревьев. Еще до начала работ порубщики у такого крестьянина были по уши в долгах. На делянках помещений для них не строили. Им приходилось самим на скорую руку сооружать шалаши, спать на снегу, готовить пищу на кострах. С усилением морозов они переселялись в тесные землянки. Постановления по охране труда на них не распространялись.[38]

Летом прототипом подобного труда вне своих деревень становились пресловутые общественные работы (сооружение дорог, осуществление мелиорации и т. д.), организуемые властями за счет местных бюджетов. Так, «из ассигнованных на эти работы 14 миллиардов, по правилам комиссии Рыкова, должно было быть израсходовано на рабочую силу 80%, на материал 15% и на организацию 5% (Эк. Ж. 2/VII 24). По правилам, установленным той же комиссией 5 августа, работы должны вестись в порядке сдельных работ в размере 75% обычной заработной платы для данных работ в данном районе; к работам привлекается только местное население, но квалифицированный персонал может быть взят из других мест».[39]

Приведенные данные красноречиво свидетельствуют о том, что основу таких работ составлял неквалифицированный труд, пользовавшийся наиболее примитивным инвентарем. Его оплатой обычно

[36] См. там же. Л. 132..
[37] См. там же. Л. 93. ... .
[38] См. там же. Л. 14-15.
[39] Русский экономический сборник. Прага, под редакцией Н. П. Прокоповича. 1. февраль 1925. Прага. С. 84.

была типичная отработка за содержание. Используя разнообразные способы принуждения, местные власти произвольно устанавливали размеры содержания работавших, получая к тому же возможность официально снижать его много ниже практиковавшегося уровня. Без явного военного принуждения большевики в годы нэпа фактически делали в гораздо меньшем масштабе то же, что делалось, например, в континентальном Китае в годы великого скачка. Наблюдательный Троцкий был прав, когда в работах 1924 г. указывал на факты «восточного преобладания марксизма», исповедывавшегося правящим крылом большевистской партии.

Каким бы несчастным не был исполнявший принудительные работы замордованный сельский бедняк, для него это был не самый худший вариант. В еще более тяжелых условиях оказывались те, кому приходилось трудиться в совхозах, где полевые рабочие в 1925 г. получали аж 18 руб. 84 коп., а скотницы 17 руб. 49 коп., или, говоря иначе, примерно 63 коп. и 58 коп. в день. Хотя они непрерывно трудились, их числили поденными рабочими, на которых не распространялись законы о социальном страховании и охране труда.

Мужчины и женщины проживали совместно в переполненных казармах с протекающими крышами. До революции подобных скверных условий проживания пришлых в барских имениях не было. По заявлению Колуновой — работницы совхоза Московской губернии, — в казарме нет форточек, «а мы знаем, что наши дети с осени закубариваются до весны в квартирах, потому что их не в чем выпустить на улицу и они воздуха не видят. Они выходят весной такие испитые, что на них невозможно глядеть».[40]

Хуже всего приходилось женщинам. При одинаковой работе с мужчинами их труд оплачивался дешевле. Хотя во время болезни ни тем, не другим ничего не платили, на женщинах эти порядки сказывались более пагубно. Многие подрывали свое здоровье, прерывая доморощенными методами беременность, либо скрывая ее до самых родов.[41]

Таких невыносимых условий сельского труда дореволюционная Россия не знала. Большевистских властей заботило не здоровье работавших, а перспектива содержания за собственный счет растущей армии безработных. С их точки зрения форсированная снашиваемость рабочей силы считалась благом, позволявшим сдерживать рост числа тех, кто был лишен средств существования.

Предотвращение роста безработицы в деревне было поставлено во главу угла. С этой целью, например, Президиум ВЦСПС

[40] См. Стенограммы, резолюции V Всесоюзного профсоюза Всеработземлеса... Ф. 17. Оп. 85. Д. 91. Л. 40.

41 См. там же.

просил СНК СССР обсудить вопрос о более энергичном переселении избыточного крестьянского населения, имея в виду, что это явится главнейшим мероприятием борьбы с безработицей, которая без этой меры грозит стать хронической и прогрессирующей».[42] Уже в годы нэпа настойчиво поднимался вопрос об индустриальном освоении Сибири, где из 8 млн. населения рабочих насчитывалось всего 80 тыс. чел. в основном железнодорожников и работников мелких заведений. «Налицо имеются, — говорил Лашевич, — все предпосылки, чтобы современную Сибирь, эту «страну великого будущего» превратить в «советскую Америку»... Пока Сибирь не будет хоть немножко индустриализирована, до тех пор все ее богатства будут лежать втуне».[43] О том, как предполагалось осваивать Сибирь, свидетельствует письмо Дзержинского 1924 г., в котором указывалось, что преступниками «должны заселяться пустынные, бездорожные местности — на Печоре, в Обдорске и проч.».

Идея использовать «преступников» для освоения «пустынных, бездорожных местностей» возникла потому, что даже не имевшие работы избегали трудиться на тех каторжных условиях, которые предлагали большевики. «Несмотря на наличие значительного количества безработных неквалифицированного труда, указывается в одном из документов того времени, — ряд отраслей хозяйства, нуждающихся в массовой рабочей силе, испытывает серьезное затруднение в удовлетворении своих потребностей в последней (лесозаготовки, торфоразработки, хлопковые плантации, прииски и пр.) В виду того, что затруднения эти вызваны неурегулированностью условий оплаты труда, жилищных условий, охраны труда на этих работах и неналаженностью вербовочных работ, это приводит к стремлению хозорганов привозить рабочую силу извне...».[44]

В разгар нэпа сельская беднота в основной своей массе рассматривалась большевиками как слой, существование которого в недалеком будущем будет по нарастающей поглощать прибавочную стоимость в виде пособий по безработице. Поэтому бедняки первыми испытали на себе, правда, в ограниченном масштабе грядущие ужасы большевистского избавления деревни от излишнего

[42] Протоколы заседаний бюро фракции и президиума Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов, присланные для сведения в ЦК ВКП(б) 27 января 1926 г. — 22 декабря 1927 г. Протокол № 85 от 29 сентября 1926 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 82. Л. 225.

[43] Всероссийский центральный исполнительный комитет XII созыва. Октябрь 1925 г. Вторая сессия. Стенографический отчет. М., 1925. С. 322, 324.

[44] История сталинского гулага. Карательная система: структура и кадры. М., 2004. С. 23.

населения, которым в конце концов подверглись крестьяне, способные производить для города продовольствие. В рассматриваемый же нами период такие крестьяне пока еще были для большевистских властей курицей, приносившей плохо бедно золотые яйца прибавочной стоимости.

По оценке С. Прокоповича, «поставщиками сельскохозяйственных продуктов на рынок являются в России только хозяйства, имеющие не менее 4 десятин посева. Но главными продавцами хлеба до революции были хозяйства, засеявшие более 8 десятин».[46] Последние также были собственниками мельниц, крупорушек, маслобоек и т. п. До революции и те и другие вместе составляли 29,5% крестьянских хозяйств. За годы военного коммунизма их доля уменьшилась вдвое. Однако после перехода к нэпу она вновь стала расти, достигнув в 1924 г. 25,8%.[47]

До войны основой развития хозяйств с не менее 4-х десятин посева был вывоз в Европу дешевого хлеба, стимулировавший рост внутреннего рынка. После Октябрьского переворота их предназначение изменилось: они были призваны непосредственно обеспечивать город дешевым продовольствием, от чего напрямую зависела зарплата городских рабочих и, следовательно, величина создавшейся в фабрично-заводской промышленности прибавочной стоимости. В годы военного коммунизма преобладали конфискационные методы изъятия продовольствия, в годы нэпа последние сочетались с организацией государственной скупки его по низким ценам.

Различия положения этих хозяйств в условиях довоенных и нэповских в свое время четко обрисовал Г. Я. Сокольников.[48] В царской России крестьяне практически не платили прямых налогов. Те налоги, которые они уплачивали — земские и мирской были совершенно ничтожны. Таким же ничтожным был поземельный налог, взимавшийся с крестьян и помещиков в последние годы перед революцией.

Введенный в годы военного коммунизма прямой налог, позволял изымать у крестьян всю продукцию, которая тогда могла появиться на рынке. В годы нэпа этот налог уменьшился, будучи, говоря словами Ленина, «понижением разверстки до последних пределов». Тем не менее, эти «пределы» были достаточно велики

[45] Материалы ВЦСПС декабрь 1925 г. — сентябрь 1927 г. РГАСПИ. Ф. 17.0п. 85. Д. 84. Л: 79.

[46] Прокопович С. Что дал России нэп.// Нэп. Взгляд со стороны. М., 1991. С. 28.

[47] Тамже.

[48] См. Протоколы и стенограммы заседаний фракции РКП(б) IV пленума ВЦСПС и резолюция фракции по докладу наркомфина 27-28 сентября 1923 г. РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 38. Л. 41- 44.

для того, чтобы в основном обеспечивать хлебом городских потребителей. «Наличие натурального продналога, — пишет А. Л. Вайнштейн, — уплачиваемого главным образом хлебными продуктами, привело к тому, что подавляющая часть городских и других потребителей внутреннего рынка была обеспечена хлебом в порядке снабжения народным комиссариатом продовольствия».[49] В частности, Москва за счет продналового хлеба удовлетворяла 70% городского спроса.

При этом прямой налог не был единственным. В начальный период нэпа местные власти без разрешения совнаркома взимали с частных торговцев дополнительные налоги. Так было, например, в Саратове, Коломне, Нижнем Новгороде. Позднее под предлогом борьбы с «негодяями — нэпманами» они облагали частных торговцев собственной данью, принуждая торговать по заниженным ценам. [50] К тому же «во многих заготконторах крестьян систематически обвешивали и обмеривали... В самих заготконторах благодаря обвешиванию крестьян скопились огромные излишки хлеба. Излишки эти никем не учитываемые, беспощадно расхищаются», — указывалось в информсводках ГПУ.[51]

Но это еще не все: по сравнению с довоенными резко возросли косвенные налоги — акцизы на соль, сахар и другие товары, потреблявшиеся деревней. Тем самым стоимостные рамки собственно рыночных отношений между городом и деревней чрезвычайно суживались. Их ограниченность усугублялась еще и тем, что скупка большевиками крестьянской продукции производилась по предельно низким *оптовым* ценам при крайне ограниченных возможностях деревни приобретать *в розницу* чрезвычайно дорогие промышленные товары.

В дореволюционные времена соотношение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары было постоянно выше для промышленности, нежели на мировом рынке. «Причина этого, — пишет И. Смилга, — дороговизна капитала в России, протекционистская политика и наличие значительных хлебных излишков внутри страны».[52] «Новизна» решения большевиками данной проблемы заключалась лишь в том, что, стремясь максимально изъять у деревни прибавочную стоимость, они дореволюционный разрыв

[49] Вайнштейн Альб. Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921-1928. М., 1932. С. 68.

[50] См. Ball A. M. Russi's Last Capitalists: The Nepmen, 1921-1929. Berkeley, 1987. С 34-35.

[51] «Совершенно секретно». Лубянка-Сталину... Т.1. Часть 2. С. 624.

цен доводили до немыслимых размеров, при которых рыночные связи между городом и деревней становились невозможными.

«При наибольшем растворе «ножниц» (речь идет о 1923 годе) хлебные цены были около половины довоенных, — говорил предсовнаркома Рыков, — а средние общие цены на промышленность приблизительно процентов на 70-80 выше довоенных, причем по некоторым отдельным товарам это превышение достигало 200%».[53] В это время «по подсчетам Госплана из всей потребности деревни в промышленных изделиях (в предметах массового потребления), исчисленной в 1922-23 хоз. годах в размере 700 мил. товарных рублей (или примерно 7 руб. на человека в год), 400 мил. тов. рублей или 57% получено ею от мелкой промышленности и лишь 300 мил. или 43% от крупной и средней (городской) промышленности. Тут, между прочим, -комментирует А. Кактынь, — не учтена роль (она вообще не поддается учету) домашнего производства».[54]

Для большевиков кустарная промышленность и домашнее производство были злостными конкурентами городской индустрии, ограничивавшими неуемные стремления извлекать прибавочную стоимость, создававшуюся в деревне. Об этом хорошо сказал председатель ВСНХ Дзержинский: «Сейчас, при высоких розничных ценах отношение крупной промышленности и вообще государства и мелкой частной промышленности становится совершенно другим. Оно становится враждебным в силу того, что эти отрасли не дополняют нас, а противопоставляют себя нам, потому что у них с нами идет борьба за крестьянское сырье. При высоких розничных ценах частная промышленность может платить дороже, чем мы за сырье, и, несмотря на это, может даже при примитивных ручных методах работы достаточно много нажить».[55]

Как справедливо указывали наши исследователи 20-х годов, отношения между городом и деревней в советской России строились на тех же основах, что и между метрополиями и колониями (например, Англии и Франции). И те, и другие обычно имели разные денежные знаки со своими «ножницами цен». Различие заключалось лишь в том, что эти метрополии были отделены от колоний морями, тогда как в советской России рассматриваемые процессы протекали в рамках единой территории.

[52] Смилга И. Осенний кризис. Статьи и речи. М., 1924. С. 19.

[53] Протокол и стенограмма объединенного собрания фракции РКП(б) при ВЦСПС, центральных комитетов профессиональных союзов и МГСПС по вопросу об экономической политике государства 5 января 1924 г. Доклад Рыкова. РГАСПИ. Ф. 95. Оп 1. Д. 42. Л. 16.

[54] Кактынь А. Новая экономическая политика... С. 23.

[55] Дзержинский Ф. Э. Борьба за снижение розничных цен. М., 1926. С. 17.

При растворе «ножниц» в 300%, как это было в 1923 году, деревня, продавая хлеб, была не в состоянии покупать на вырученные деньги промышленные товары города. Если до войны крестьяне за пуд хлеба могли купить 6,5 аршин ситца, то теперь — 1,3 аршина, соли соответственно 2 пуда и 0,3 пуда, сапог 0,15 пар и 0,005 пары, гвоздей 5 фунтов и 2,5 фунта, сахара 5,5 фунта и 1,5.[56] В итоге большевики были вынуждены уменьшить раствор «ножниц», углубив дефицит городских товаров и его неизбежный спутник — инфляцию, которые могли быть преодолены только за счет роста кустарного производства и домашней промышленности. Но Ленин в это время был уже не у дел. Вершившие же политику его соратники, стремясь вновь расширить раствор «ножниц», заменили в 1924 г. натуральный налог инфляцирующим денежным, провозгласив в качестве главной задачи борьбу против «мелкой буржуазии», в которой масштабному развитию мелкой промышленности не оставалось места. Ее пока лишь временно терпели в ожидании предстоящего уничтожения на корню.

По словам возглавившего совнарком Рыкова, «больше всего мелкая кустарная промышленность развивается в производстве одежды, она по отношению к крупной занимает 127%. Следующее место занимает деревообрабатывающая промышленность — колеса, оглобли и пр. Затем продукция животноводства... сюда входит отчасти и консервная промышленность... В остальных отраслях она занимает ничтожное место».[57]

Зажатые большевистскими «ножницами» рыночные связи города с деревней повсюду порождали хронический дефицит товаров, а вместе с ним и неизбежную инфляцию, получавшую выражение в разных деньгах. Деревенскими деньгами были постоянно терявшими покупательную способность дензнаки, городскими — фиксировавшими каждый раз падение этой способности на новом витке обесценивавшиеся червонцы. Одновременное существование и тех и других воплощало наличие глубокой расстыковки рыночных связей городской промышленности с производившей продовольствие деревней.

В связи с непрекращавшимся падением в денежном выражении стоимости продовольствия крестьяне старались побыстрее его продать, большевики оттянуть срок выплаты денег, обеспечивая себе, как тогда говорили присвоение эмиссионного дохода или, как принято теперь, сеньоранж. Переход на золотой червонец сам

[56] Кактынь А. Новая экономическая политика... С. 61.

[57] Доклад Рыкова 5 января 1924 г. РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 42. Л. 23.

по себе не мог остановить инфляцию. «Как известно, — пишет С. Кон, — «твердая валюта» в первый период после стабилизации может быть источником значительного дохода для государства, поскольку уменьшение скорости обращения денег позволяет вдвигать в обращение безнаказанно для твердой валюты значительные суммы. Так, до настоящего времени было выпущено в обращение червонцев (банкнот и казначейских билетов) на сумму около 1300 млн. руб. при затрате на их обеспечение металла и иностранной валюты не более 270 млн. руб.; чистый доход от эмиссии составил около миллиарда рублей. Этот фокус, который не менее удачно, чем большевики, проделало и столь презренное буржуазное государство, как германское, конечно, никакого чуда из себя не представляет».[58] Подобные фокусы в условиях дефицита промышленных товаров, продававшихся на рынке, были постоянным компонентом проводимой большевиками нэповской политики.

Уже к 1924 г. страна не имела золотых запасов. Тем не менее, червонное исчисление сохранялось. «Золотой фонд у нас израсходован весь, — говорил предсовнаркома А. И. Рыков. Мы в революцию вступили с золотым фондом все-таки, если и меньше миллиарда, то чуть меньше, а дожили мы к новой экономической политике при нескольких сотнях миллионов... Так что золотой свой фонд прожили, его у нас нет. До сих пор мы его прожили на закупках за границей всякого сырья, отчасти топлива и полуфабрикатов, а также во время борьбы с голодом за счет золотого фонда мы покупали хлеб для голодающих крестьян. Теперь у нас такого источника для того, чтобы покупать хлопок, каучук, тяжелую кожу, а также, если повторится голод, то и хлеб, — у нас такого источника нет».[59]

В связи с этим А. И. Рыков предлагал заменить золой рубль серебряным. Выступая на XIII партконференции, он говорил: В настоящее время червонное обращение занимает приблизительно четыре пятых всего денежного обращения в республике. Одна пятая занята советскими знаками. Советский знак в первую очередь идет в заработную плату и в деревню, так как этот знак мелкий. Эту самую одну пятую денежного обращения в настоящий момент уже можно попытаться заменить твердым разменным знаком, использовать тот запас серебра, который имеется в распоряжении правительства. Здесь речь идет о десятках миллионов золотых рублей».[60]

[58] Кон С. Опыт советской национализации//Нэп. Взгляд со стороны... С. 68-69.

[59] Протокол и стенограмма объединенного собрания фракции РКП(б) при ВЦСПС, центральных комитетов профессиональных союзов и МГСПС по вопросам об экономической политике государства 5 января 1924 г. РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 42. Л. 25.

Как известно, серебряная монета действительно обращалась в годы нэпа. В связи с этим наметилась тенденция появления и в городе и в деревне единого совзнака. Однако в годы нэпа указанный процесс протекал вяло. Чтобы избежать дополнительного налогообложения крестьяне скрывали подлинные размеры своих сбережений. Поэтому они всячески избегали официальных каналов обмена совзнаков на червонцы. В связи с этим основным источником обмена были частные торговцы, взимавшие со сделок высокий процент.

Между тем раствор «ножниц» все больше возрастал. По оценкам Ю. П. Бокарева, в 1924/25 г. отклонение розничных цен от равновесного уровня составляло 11%, в 1925/26 г. — 71%, в 1926/27 г. — 87%.[61] Ответом деревни на этот рост розничных цен на промышленные товары было сокращение продажи самого дешевого и в то же время определявшего уровень зарплаты городских рабочих товара — продовольственного зерна, так как на вырученные за него деньги крестьяне мало чего могли купить. Поэтому вместо производства зерна последние расширяли производство относительно дорогих технических культур и продукции животноводства. Если до войны стоимость реализованного на рынке хлеба на 69% превышала стоимость проданных технических культур, то в 1925 г. эти величины были почти равны. Доля зерновых в денежных поступлениях деревни составляла всего 23%, технических культур -20%, продуктов животноводства — 21%, прочих сельхозпродуктов — 0,8% и доходов от промыслов — 28%.[62] Эту же тенденцию вытеснения из производства продовольственного зерна подтверждает и динамика посевов.

В 1926 г. наркомторг попытался выяснить, каковы потери крестьян от нэповского рынка. Для этого по каждой группе хозяйств -бедняков, середняков, зажиточных была подсчитана вся крестьянская выручка от продажи продукции, заработков, промыслов и т. д. Эту выручку сравнили с той, какую они могли иметь, если бы цены были довоенными. Одновременно по каждой группе хозяйств подсчитывались денежные расходы, произведенные на покупку недостающего хлеба, предметов ширпотреба т. д. Полученные результаты сравнивали с довоенными затратами на такие же товары и услуги. Итог: в период нэпа все группы крестьян несли

[60] Тринадцатая конференция российской коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. М., 1924. 16 января 1924 г. С. 16.

[61] Нэп. Приобретения и потери ... С. 116.

убытки. Убытки были тем больше, чем больше крестьяне были втянуты в рыночные отношения с городом. Так, на Кубани потери бедняков составили 20%, середняков — 30%, зажиточных — 40%. В Тверской губернии соответственно 13, 23 и 30%.

Указанное обстоятельство вынуждало крестьян по мере возможности избегать продаж своей продукции городским и кооперативным организациям, все больше замыкаясь при этом на производстве своих натурализовавшихся хозяйств. «До тех пор, пока деревня не будет материально обеспечена, — утверждал на XI Всероссийском съезде советов Сизов, — ждать товарного развития со стороны крестьянского населения не приходится, потому что то сырье, которое производит крестьянское население, оно же само и переделывает. Лен производится местным населением для своих потребностей. Кожу, которая гниет в кадках у крестьян, при всех затратах они все-таки перерабатывают потому, что за целое рогатое животное они получают на рынке две пары подошв. Такие цены бьют местный рынок, и несоответствие рынка не дает возможности широко развить товарное производство в области сельского хозяйства».[63]

Этому вряд ли стоит удивляться — продав свою продукцию, крестьянин, даже имея деньги, мало чего на них мог купить. Об этом свидетельствует, например, выступление представителя Курской губернии на сессии ВЦИК. «В сентябре 1925 г., — говорил он, — у нас было такое удовлетворение потребностей: по ситцу и хлопчатобумажным товарам всего на 3%, по ходовым суконным товарам — на 10%, по железо-скобяным — на 20%, по стеклу — на 10% и т. д. При таком снабжении промтоварами о серьезности заготовки говорить не приходится, ибо ждать предложения на рынке хлеба без товаров невозможно».[64] Нараставшее стремление имущей части деревни обходиться преимущественно тем, что производилось в ее хозяйствах, превращало ее в социальную силу, противодействующую аграрной политике большевиков, добивавшихся увеличения продажи зерна, что впоследствии сказалось на ее дальнейших судьбах.

Не только деревня, но и город после перехода к регламентированному большевиками рынку сохранял черты эпохи военного коммунизма, основу которой составляла «единая фабрика». Последняя практически осталась неизменной. Декретом ВЦИК от 27 октября 1921 г. подтверждалось, что все предприятия, поступившие до 17 мая 1921 г. во владение государственных органов, являются предприятиями национализированными.

[62] РСФСР. Съезд 13. Стенографический отчет. М., 1927. С. 43, 215.
[63] РСФСР. Съезд 11-й. Стенографический отчет. М., 1924. С. 71.
[64] Всероссийский центральный исполнительный комитет XII созыва. Вторая сессия. Стенографический отчет. М., 1925. С. 466.

Правда, через полтора месяца, 10 декабря 1921 г. был опубликован другой декрет, который возвращал бывшим собственникам мелкие предприятия с двигателем с числом рабочих до 5 и до 10 — без двигателя. Однако реализация декрета существенных изменений в контуры «единой фабрики» не внесла. По свидетельству Н. А. Святицкого, число денационализированных предприятий было столь ничтожно, «что какой-либо значительной роли в деле развития частнокапиталистической промышленности денационализация сыграть не могла».[65]

Будучи придатком, дополнением «единой фабрики» частный сектор в промышленности развивался прежде всего за счет вновь открывающихся предприятий. Как правило, это были мелкие заведения с числом рабочих не свыше 10-20 человек. В цензовой же промышленности частные предприятия открывались по особым разрешениям. В конце 1922 г. их насчитывалось 442, с удельным весом в основном капитале всей крупной промышленности всего 1,5%. Что касается тех государственных предприятий, которые сдавались в аренду, то они продолжали оставаться советскими, несмотря на то, что многие из них управлялись частными лицами, присваивавшими определенную долю прибыли.

Так, в 1922 г. из менее 6,5 тыс. (в основном мелких) предприятий, сданных государством в аренду, две трети управлялись частными лицами. Аренда, как правило, была краткосрочной от 1 до 3-х лет. При таких сроках аренды ни о каких новых инвестициях в производство, естественно, не могло быть и речи. Предприятия действительно оставались советскими.

Первоначально переход к продналогу задумывался таким образом, что «единая фабрика» сохранит свою девственную чистоту, не опорочив себя грехами рынка. Ее продукция, как и прежде, целиком должна была оставаться в распоряжении государства — часть, минуя рынок, в административном порядке, поступать на нужды самого госсектора, часть — в обменный фонд, которым распоряжался наркомпрод.

Такой же порядок был в годы военного коммунизма. Но сохранить его оказалось невозможно, в связи с чем, скрипя сердцем, началось вовлечение государственной промышленности в рыночные отношения. 9 августа 1921 г. совнарком разрешил государственным промышленным предприятиям реализовать на рынке (в строго

[65] Святицкий Н. В. Организация российской государственной промышленности. М., 1924. С. 48.

установленных размерах) часть своей продукции в случаях, когда возмещение оборотных фондов за счет государственного снабжения оказывалось недостаточным. Однако кризис безденежных экономических связей продолжал углубляться, поэтому декретом СНК от 27 октября 1921 г. большинство государственных промышленных предприятий было полностью снято с государственного снабжения и освобождено от прямого административного контроля ВСНХ.

Таким образом, старая система главкизма с ее натуральным распределением ушла в небытие. Отныне рабочую силу, сырье, полуфабрикаты и т. д. предприятия должны были приобретать на свободном рынке и там же сбывать свою продукцию. Формально их хозяйственная деятельность зависела только от них самих, поскольку теперь они должны были получать кредиты не из бюджета, а в Госбанке, исходившем из их рентабельности. На деле же они, как правило, не были рентабельными. Хронический дефицит оборотных средств компенсировался за счет бюджета. Поэтому рассматриваемые предприятия фактически представляли собой своеобразный гибрид, сочетавший признаки былой распределительной и нынешней рыночной экономики.

Дефицит товаров, порождавший взлет цен, сопровождался у госпредприятий всеобщим недостатком денежных средств для приобретения сырья, выплаты зарплаты и главное для присвоения денег управленческим персоналом, ибо рынок открывал неограниченные возможности для потребления товаров и услуг. Чтобы восполнять дефицит, пополняя свои карманы, директора зачастую продавали по заниженным ценам все, что только было возможно: полуфабрикаты, готовую продукцию и т. п. Порой в силу вступал бартер. Рабочие нередко получали зарплату в виде полуфабрикатов либо готовой продукции предприятий, на которых они работали.

Уже через месяц после того, как большинство предприятий было снято с государственного снабжения, Ленин писал Троцкому: «Вопль о неимении денег всеобщий, универсальный. Лопнуть можем. Везде на местах бешено (так говорят) распродают все, пускают в продажу все возможное и невозможное. Вопят все и отовсюду. Как и что еще делать, не знаю».[66] Выход, конечно, был. Следовало, разрушая «единую фабрику», провести приватизацию государственных предприятий. Но большевики не осмеливались пойти на такой шаг. Им казалось, что, поступая так, они откроют шлюзы для возрождения капитализма. А без этого овладеть рынком, даже имея желание, было невозможно.

Директора многих предприятий требовали возрождения порядков эпохи военного коммунизма с тем, чтобы их целиком перевели на бюджетное финансирование. В этой связи представляет интерес реакция Ленина на подобные требования. «Вы мне сказали, — писал он Г. Я. Сокольникову, — что некоторые наши тресты могут в ближайшем будущем оказаться без денег и просить нас ультимативно, чтобы их национализировали. Я думаю, что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и при том всецело за безубыточность своих предприятий... Если, создав тресты и предприятия на хозяйственном расчете, не сумеем деловым купцовским способом обеспечить полностью свои интересы, то мы окажемся круглыми дураками».[67]

Однако «обеспечить полностью свои интересы деловым купцовским способом» в тех рыночных условиях, которые создали большевики, было невозможно. И дело здесь не в том, что этому препятствовали нерадивость, неумение торговать, отсутствие культуры, о которых так много говорил и писал Ленин. Перечисленные им причины — субъективны, вторичны. Объективная же заключалась в другом: убыточные предприятия нельзя было банкротить по законам рынка, ибо они являлись неотделимой составной частью уцелевшей от донэповской эпохи «единой фабрики», которую большевики хотели во что бы то ни стало сохранить.

Вступая в рыночные отношения, государственные предприятия с первых же своих шагов стихийно объединялись в тресты с единой организацией производства, финансирования, закупки сырья, полуфабрикатов, рабочей силы и реализацией продукции. Уже в 1922 г. по сообщению председателя ВСНХ П. А. Богданова, было «трестировано» около 90% крупной промышленности.[68] Возможности трестов возмещать убытки были ограничены. Только оборотный капитал можно было продавать, закладывать, проводить с ним операции по долговым обязательствам. Возникавший при этом дефицит так или иначе восполнялся за счет бюджетных субсидий. В отличие от оборотного капитала с основным капиталом нельзя было производить никаких рыночных операций. Он должен был оставаться в собственности государственных подразделений, стоявших над трестами.

[66] Ленин В. И. Письмо Л. Д. Троцкому. Т. 53. С. 234.
[67] Ленин В. И. Письмо Г. Я. Сокольникову Т. 54. С. 150-151.
[68] Ларин Ю. Итоги, пути, выводы новой экономической политики. М., 1923. С. 231.

В апреле 1923 г. был опубликован закон о трестах, конституировавший их статус и укрепивший административный контроль над ними. В соответствии с законом тресты создавались для получения прибыли. При этом основные фонды трестов переходили в распоряжение ВСНХ и наркоматов. Большая часть прибыли изымалась в общественные фонды (по данным Э. Карра тресты отдавали государству 75% своей прибыли).[69] Трестам разрешалось оставлять у себя не более 20% прибыли в качестве резервного капитала, фонда улучшения быта и премирования работников. Хозяйствовать самостоятельно они не могли: как правило, примерно треть оборотных средств поступала к ним в виде кредитов ВСНХ, который утверждал руководящий состав, производственные задания и сметы. А. Айхенвальд был прав, когда писал: «Наши тресты только по внешней форме являются самостоятельными предприятиями, связанными исключительно через рынок. На самом деле принадлежность всех трестов к единому социалистическому хозяйству создает рядом с рыночной связью второй вид связи, объединяющий всю крупную промышленность в одно организованное целое».[70] Этим вторым доминировавшим видом связи в отличие от рыночного был административно-распределительный.

Сказанное отнюдь не означает, что тресты зарождались благодаря манипуляциям совнаркома и его подразделений. Еще до регламентации 1923 г. они повсеместно стихийно вырастали из небытия вместе с начавшейся коммерциализацией производства, тогда как «действия высших регулирующих органов сводились по большей части к формальному утверждению status-quo».[71] Именно на тресты возлагалась Лениным задача перевода промышленности «по сути в значительной степени на коммерческие и капиталистические начала». С точки зрения большевиков нэп означал, как позднее говорил Зиновьев не отступление «от военного коммунизма к социализму», а переход к «своеобразному «государственному капитализму» в пролетарском государстве».[72]

Наиболее вовлеченными в рыночные отношения оказались тресты легкой промышленности — текстильные, спичечные, соляные, кожевенные, табачные и т. п. Эти тресты были двоякими: одни из них представляли заводы и мастерские, принадлежавшие к одной отрасли, но производивших разные изделия, другие были

[68] Карр Э. История советской России. Кн. 2. М., 1989. С. 243.
[70] Айхенвальд А. Советская экономика и экономическая политика СССР. М, 1928. С. 64.
[71] Пумянский Л. Организация и работа советских трестов.//Нэп. Взгляд со стороны... С. 112.

территориальными объединениями совнархозных предприятий, в составе которых, например, наряду с лесопильным заводом могли быть кондитерская фабрика, слесарная мастерская, кожевенный либо маслобойный завод и т. п.

И те, и другие тресты, взвинчивая цены, добивались установления на рынке монополии, способствовавшей появлению синдикатов. «Государственная политика благоприятствовала синдикатам отчасти предоставлением им централизованных банковских кредитов, отчасти облегчением их роли сырьевых заготовителей (предоставлением соответствующих прав на внутреннем или внешнем рынке), наконец, в отдельных случаях прямыми административными мерами стимулировала синдицирование легкой индустрии».[73] В частности, в декабре 1922 г. малый СНК запретил сделки между госпредприятиями через частных лиц. В результате к концу 1924 г. доля госорганов и кооперации в получении товаров от синдикатов возросла до 84,6%. [74] Синдикаты устанавливали свои монопольные оптовые цены, строя свои отношения с трестами на комиссионных началах.

Поскольку центром «единой фабрики» была Москва, где распределялись бюджетные субсидии и находились правления банков, здесь были сосредоточены крупнейшие тресты и синдикаты. «Наш оптовый рынок имеет уродливую структуру, — писал А. Express Кактынь, -товарооборот больше, чем на половину концентрирован благодаря концентрации кредита и товара в одном центре, Москве».[75] Как отмечают исследователи, «Москва была центром движения ценовых волн, расходившихся отсюда концентрическими кругами; движение провинциальных цен являлось как бы запоздалым отражением движения московских... Исключение представляли хлебные цены, уровень которых определялся чаще периферией, а затем повышение и понижение передавалось в крупные потребительские центры, в том числе и Москву».[76]

О том, насколько многие современники в силу отсталости России были далеки от подлинного понимания общественного характера трестовских форм и трансформации на их основе организационного строения промышленности, свидетельствует, в частности, замечание Л. Пумянского. «Наши тресты, — писал он, — являются не переходной ступенью от более простых к более слож-

[72] См. Дискуссия 1925 г. Материалы и документы. М., 1929. С. 126.
[73] См. Синдикаты СССР. М-Л., 1927. С. 28.
[74] Архипов В. А. Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле... С. 65.
[75] Кактынь А. Новая экономическая политика... С. 37.

ным отношениям капиталистической организации народного хозяйства, а переходом от феодально-бюрократической к примитивно-капиталистической системе».[77]

В действительности это уже были не частнокапиталистические формы организации производства. К капиталистической системе они не имели никакого отношения. Такие исследователи, как Л. Пумянский, не замечали, что рассматриваемые тресты были лишь функционировавшими в условиях рынка сегментами «единой фабрики», уцелевшей от военно-коммунистической эпохи. Ю. Ларин был прав, когда в этой связи писал: «Современная группировка предприятий в тресты (сотни преимущественно мелких трестов, обычно из однородных предприятий, охватывающих при том лишь часть производственного процесса какого-либо продукта) совершенно не приспособлена к условиям рыночного существования и является пережитком прежнего административного аппарата эпохи военного коммунизма. Нынешние тресты — лишь осколки прежних главков».[78]

В отличие от легкой промышленности, связавшей посредством трестов и синдикатов «единую фабрику» с рынком, тяжелая промышленность сосредоточивала, прежде всего, те осколки главков, которые не были приспособлены к условиям рыночного существования. Их полнокровное подключение к рынку означало бы конец существования «единой фабрики», и обусловленное этим концом ускорение рыночного развития, что было неприемлемо для большевиков. «Если бы у нас в России власть принадлежала буржуазии, — говорил Сокольников, — то она с этими же ресурсами, налогами, доходами и т. д., которые мы имеем сейчас, за счет отказа от национализации промышленности и сокращения государственного хозяйства на транспорте могла бы располагать гораздо большими ресурсами для удовлетворения потребностей культурных, административных, для лучшей постановке дела в армии или для уменьшения налогового бремени».[79]

Но приватизация, означавшая разрушение «единой фабрики», для большевиков была неприемлема. Чтобы сохранить «единую фабрику», страна ежегодно тратила из бюджета сотни миллионов золотых рублей. «Полмиллиарда золотых рублей за 22/23 г., — говорил Сокольников, — при бюджете максимум 1400 миллиар-

[76] См. напр. Вайнштейн Альб. Л. Цены и ценообразование в СССР... С. 47.
[77] Пумянский Л. Организация и работа советских трестов...//Нэп. Взгляд со стороны... С. 113.
[78] Ларин Ю. Итоги, пути, выводы... С. 236.

да вот цена, так сказать социализма у нас, покрытие дефицита нашей государственной промышленности и транспорта, плата, которую мы советское государство уплачиваем за удержание в наших руках основных командных отраслей в области промышленности и торговли».[80]

Как известно, основной источник бюджетных поступлений -налоги. До революции значительную их часть составляли поступления от цензовой промышленности и торговли. Теперь же эти поступления стали ничтожны. В 1921 г. помимо лицензионных сборов, разрешавших хозяйственную деятельность, ежемесячно взимался уравнительный налог в размере всего 3-х процентов стоимости произведенной продукции и продаж.[81] Такой налог не мог покрыть громадный дефицит бюджета, возникавший из-за постоянных бюджетных вливаний в госпромышленность. Основным источником его покрытия были немыслимые поборы с деревни, имевшие тенденцию изымать у нее не только прибавочный, но и часть необходимого продукта. Таким образом в видоизмененной форме ситуация эпохи военного коммунизма сохранялась: с одной стороны, госпромышленность субсидировалась за счет деревни, с другой — деревня, стремясь избежать пагубных для себя последствий субсидирования, все больше замыкалась в собственном хозяйстве.

Как и в легкой промышленности, в тяжелой промышленности существовал хозрасчет, но он не был коммерческим, так как строился на свойственных «единой фабрике» нормативном распределении факторов производства. Хозрасчет выполнял здесь лишь функции контроля и учета. «Хозрасчет, — пишет Л. Н. Суворова, — распространялся на основные отрасли тяжелой промышленности (электроэнергетику, угольную, нефтяную, металлургию и др.), транспорт, связь. Его признаки: бюджетное финансирование, фондированное снабжение важнейшими ресурсами, плановое распределение подавляющей части продукции по твердым ценам. Эти цены находились на уровне себестоимости, не включали прибыль, амортизация учитывалась в заниженном размере. Предприятиям разрешалось реализовать по договорным ценам часть продукции, не полученной во время по нарядам, произведенной за счет экономии средств и т. п. Они обязывались выпол-

[79] Протоколы и стенограммы заседаний фракции РКП(б) IV пленума ВЦСПС и резолюция фракции по докладу наркомфина 27-28 сентября 1923 г. ГРАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 38 Л. 38.
[80] Там же. Л. 37.
[81] Bull A. M. Russia's Last Capitalist... P. 29.

нять задания по снижению себестоимости. К вышеуказанным отраслям примыкала военная промышленность».[82]

Хотя оптовые цены устанавливались на уровне себестоимости, они были выше оптовых цен аналогичных товаров, продававшихся на рынке, так как включали бюджетные дотации. Сохранение «единой фабрики» даже в условиях ограниченного большевиками рынка было дорогостоящим мероприятием. Создававшаяся здесь прибыль целиком потреблялась государством, обеспечивая посредством директивного планирования сохранение экономического единства всех звеньев «единой фабрики». Отстаивая сохранение и умножение системы директивного планирования, Троцкий был прав, перечисляя его основные устои. «Во-первых, это армия, — говорил он; она никогда не живет на основах рынка. Армия есть плановое хозяйство. Во-вторых, транспорт. Транспорт у нас (железнодорожный) весь государственный. В-третьих, тяжелая промышленность, которая работает либо на транспорт, либо на армию, либо на другие отрасли государственной промышленности».[83]

Пережившая эпоху военного коммунизма «единая фабрика» была не совместима с рыночными отношениями. Лишь ликвидируя последние, она могла стать доминантой, всецело определявшей развитие экономики страны. Рынок всегда предполагает, в конечном счете, равный по стоимости обмен товарами, который для «единой фабрики» был невозможен. Беззастенчиво обирая деревню, она взамен ей практически ничего не давала.

Себестоимость ее продукции была чрезвычайно высока. По данным советского специалиста С. Молчанова, в 1924/25 году для 11 отраслей промышленности себестоимость составляла от 151 до 247 процентов довоенной. Средний же показатель был равен 197%.[84] Основная продукция предназначалась для собственного потребления «единой фабрики». Выпуск предметов яичного потребления, в которых нуждались и город, и деревня, был очень ограничен. В середине 20-х годов удовлетворение потребности населения в промышленных товарах составило немногим более половины потребления 1913 г. В условиях громадного дефицита, порождавшего взлет розничных цен, они были недоступны как в городе без увеличения зарплаты, так и в деревне без увеличения закупочных цен. Для «единой фабрики» единственным выходом из создавшегося положения была продажа товаров по ценам ниже рыночных, предполагавшая административное распределение товарных квот.

Естественно, что при этом наиболее обделенной оказывалась деревня. «Товарный голод на изделия промышленности, — говорил А. И. Рыков, — наблюдается по всей территории Союза (и в городе и в деревне) представляет важнейшее явление современной хозяйственной обстановки. Значительная часть вырабатываемых промышленностью товаров раскупалась в городах и не доходила до деревни. Нажим города на товарный рынок очень силен: можно оставить без ситца уезд, губернию или даже две губернии в Сибири, но оставить без ситца Ленинград, как каждому известно, — невозможно».[86]

Выше мы уже показали, как снабжалась деревня промышленными товарами. Но чем острее становился их дефицит, обусловленный помимо прочего ростом ее покупательной способности, тем больше она замыкалась в собственном хозяйстве, сокращая из-за дешевизны продажи продовольственного зерна, что в свою очередь вело к росту издержек на зарплату рабочих «единой фабрики» и уменьшению создававшейся ими прибавочной стоимости.

Для «единой фабрики» единственным выходом из возникшего с ее точки зрения порочного круга было насилие над крестьянскими массами, заставлявшее их внеэкономически увеличивать поступления в распоряжение большевиков продовольственного зерна. Если брать за точку отсчета 1923 год, когда впервые в полной мере стали сказываться рыночные противоречия между «единой фабрикой» и деревней, то окажется, что потребовалось всего лишь три года, чтобы механизм насилия, сметая рынок, окончательно пришел в движение.

Рыночные отношения были неприемлемы для «единой фабрики» не только из-за нараставших противоречий между ней и старательным крестьянством, но и ее противоречий с частной промышленностью, где зарплата рабочих была существенно выше. Рабочие частного сектора имели более высокий уровень жизни по сравнению с теми, кто был занят на государственных предприятиях. Так, в конце 1925 г. в Москве рабочий первого разряда на госпредприятии получал 1 рубль в день и имел 2-х недельный отпуск, а в частном секторе 1 руб. 34 коп. и, как правило, 4-х недельный

[82] Суворова Л. Н. Политическая власть, государство и рынок.../ /Нэп вконтексте исторического развития России... С. 123-124.

[83] Доклад о промышленности Троцкого. Двенадцатый съезд РКП(б) 17-25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 336.

[84] Нэп. Взгляд со стороны... С. 76.

[85] Нэп — приобретения и потери. М., 1994. С. 72.

[86] Рыков А. И. Хозяйственное положение СССР [доклад 3 марта 1926 г.]// Вопросы хозяйственной политики (диспропорции в народном хозяйстве СССР, товарный голод, проблема цен и товарооборота). Курск, 1926. С. 10, 16-17.

отпуск. Предприниматель делал и большие, чем госпредприятия, отчисления от заработной платы в фонд социального страхования, на культурную работу и т. д.[87]

Насчитывая 40-50 тыс. рабочих, частный сектор цензовой промышленности не мог, разумеется, быть серьезным конкурентом госпредприятий в найме рабочей силы. Однако более высокая зарплата на частных предприятиях, как и на сданных в концессию, имела для «единой фабрики» свой негатив, поскольку порождала притязания на повышение зарплаты у тех, кто был занят на госпредприятиях, следствием чего могло быть уменьшение нормы прибавочной стоимости. Не случайно Ленин, предлагая сдавать иностранным концессионерам районы дальнего Севера, помимо прочих выгод, оговаривал удобство в том, что «льготные условия для рабочих — до 50 коп. золотом! — меньше вызовут зависти и столкновений у других рабочих».[88]

Отмеченные различия в уровнях зарплаты были вызваны отнюдь не случайным стечением обстоятельств. Частный сектор был органично связан с рынком. Последний, предполагая разнообразие предлагаемых товаров, способствует появлению новых потребностей. Маркс был прав, когда писал: «Хотя всякий капиталист и требует, чтобы его рабочие делали сбережения (имеется в виду экономия на потреблении — Ю. И.), но он требует, чтобы это делали только его рабочие, ибо они противостоят ему в качестве потребителей. Поэтому вопреки всем «благочестивым» фразам капиталист выискивает всяческие средства, чтобы стимулировать их потребление, придать своим товарам большую привлекательность, навязать рабочим новые потребности и т. д.». «Навязывание новых потребностей» — органическая черта всякого подлинного рынка, способствующая росту жизненного уровня рабочих

Что касается «единой фабрики», то ее хозяйство безрыночно, ибо она выступает одновременно в роли покупателя рабочей силы, и продавца товаров и услуг, которые потребляют рабочие. По своему положению последние являются такой же принадлежностью фабрики, как и ее средства производства. Они — илоты, предназначенные создавать максимум прибавочной стоимости. С точки зрения большевиков, руководивших «единой фабрикой», рабочие обязаны были трудиться как можно больше, потребляя

[87] Копалкин В. М. Частная промышленность СССР. М-Л, 1927. С. 34.

[88] Ленин В. И. Письмо В. А. Смольянинову и членам СТО. Т. 53. С. 100.

[89] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Т. 46. Ч. I. С. 240-241.

как можно меньше. То, что они потребляли, считалось вынужденными издержками, уменьшавшими создаваемую ими прибавочную стоимость. Поэтому главной задачей большевиков было отнюдь не расширение массового потребления, а как тогда откровенно декларировалось в партийных документах, его «упрощение и максимальное сжатие».[90]

О том разгуле цинизма, который царил в то время в среде большевиков, свидетельствуют многочисленные публичные заявления видных большевистских руководителей, в том числе и Е. Преображенского, объявлявшего благом снижение после революции привычных потребностей рабочих. «Страшная нищета периода войны и революции, огромное снижение привычных потребностей рабочего класса, — говорил он, — служили и служат одним из факторов социалистического накопления в том смысле, что рабочему классу после недавнего прошлого легче удается провести самоограничение своих потребностей в годы, когда задачи социалистического накопления стоят на первом плане».[91] Заметим, что сам Е. Преображенский своих привычных потребностей отнюдь не ущемлял.

Как и во всяком классовом обществе, главной движущей силой большевистского производства было производство прибавочной стоимости. «Вопрос о создании в государственной промышленности прибавочной стоимости, — находим мы в решениях XII съезда РКП(б), — есть вопрос о судьбах советской власти... тресты, как и входящие в их состав отдельные предприятия, имеют своей основной задачей извлечение и реализацию прибавочной стоимости в целях государственного накопления, которое только и может обеспечить поднятие материального уровня страны и социалистическое переустройство всего хозяйства».[92]

Строго говоря, решение вопроса о государственном накоплении или, иначе говоря, о расширенном воспроизводстве прибавочной стоимости, в годы нэпа неизменно рассматривался в качестве дела предстоящего будущего. «Центр индустриализации, — указывал Сталин, — основа ее состоит в развитии тяжелой промышленности (топливо, металл и т. п.), в развитии, в конце концов, производства средств производства, в развитии своего собственного машиностроения». И далее «для того, чтобы индустриализацию двинуть вперед, необходимо обновить старое оборудование и построить новые заводы».[93]

[90] ВКП(б) в резолюциях... Ч. I. С. 643.

[91] Цит. по: Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 8.

[92] ВКП(б) в резолюциях... Ч. I. С. 487.

Как известно, нэп в нашей истории еще с советских времен традиционно считается восстановительным периодом. Если рассматривать его с точки зрения восстановления производительных сил, разрушенных в годы гражданской войны, то окажется, что он мало чего дал. Моральный и физический износ оборудования по сравнению с довоенным в целом вырос, а выпуск продукции не достиг довоенных объемов, в то время как в Западной Европе в условиях подлинного рынка рост производства составлял 6-7% в год. Единственно, что действительно было «восстановлено» за эти годы, так это способность «единой фабрики» разрушать рыночные связи с целью извлечения прибавочной стоимости.

В рассматриваемые годы присваиваемая большевиками прибавочная стоимость практически целиком поглощалась ненасытной управленческой прорвой, почти ничего не оставлявшей для ее расширенного производства. Согласно данным, приводимым Ю. Лариным, «общее количество служащих на предприятиях фабрично-заводской промышленности по отношению к числу рабочих в два раза выше, чем до войны (17% вместо 9%) и изначально выше того процента, который установлен для них ВЦИКом (10%)». [94] А это означает, что за годы нэпа указанная доля превысила ее показатель периода военного коммунизма. По данным Л. Крицманав 1920 г. она составляла 13,5%.[95]

Но управленческий аппарат не ограничивался одними промышленными предприятиями. «Только по линии ВСНХ, — пишет Я. Андреев, — мы имеем на 100 рабочих 15 чел. служащих и управителей. Но ведь, не один ВСНХ управляет промышленностью. Наберется еще 3-4 ведомства, которые тоже близко касаются промышленности и тем или иным путем ложатся накладными на расходы. В общем, наберется до 20 служащих на одного рабочего, а возможно и более. Если принять во внимание, что в среднем один служащий в 3 раза больше получает, чем рабочий, то при таком положении на 2-х рабочих, фактически участвующих в производстве падает по меньшей мере один оклад».[96]

Весьма интересные данные о заработках в управленческого персонала в промышленности в годы нэпа приводит А. Рашин. «Средний заработок директоров, — пишет он, — 310 руб. за март

[93] Сталин И. В. О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии. Т. 8. С. 120, 122.

[94] Ларин Ю. Итоги, пути, выводы ... С. 82.

[95] Крицман Л. Героический период великой русской революции (опыт анализа т. н. «военного коммунизма»). М., 1924. С. 193.

[96] Андреев Я. Движущие и тормозящие силы нашей промышленности.//Вопросы труда № 4. М., 1923. С. 33.

1926 г. В среднем по крупной промышленности заработок директора превышал заработок среднего служащего в 3,1 раза, рабочего в 5,6 раза., а чернорабочего — в 7 раз». Внешне кажется, что разрыв в оплате директора и рабочего не велик. Но помимо зарплаты директор получал тантьему — вознаграждение из чистой прибыли предприятия. Причем в условиях хронического дефицита товаров покупательная способность рубля руководящих работников была значительно выше покупательной способности рубля рабочего. Наконец, далеко не последнее, директора пользовались бесплатными или символически оплачиваемыми прекрасными квартирами, дачами, мебелью, транспортом и другими услугами, предоставляемыми предприятиями.

Все эти доходы были вполне легальны. Однако за исключением зарплаты негласны, создавая видимость отсутствия в обществе глубокого социального неравенства на фоне возраставшей нищеты рабочих масс. Между тем разрыв в доходах непрерывно возрастал. Как пишет А. Рашин, «при общем росте заработной платы в промышленности (!?) происходил более интенсивный рост заработков для основных и наиболее ответственных должностей фабрично-заводских служащих».[98]

Численность управленческого персонала непрерывно увеличивалась, хотя его представители относились весьма ревниво к росту числа претендентов на присвоение прибавочной стоимости. Как заявлял, например, М. П. Томский, нужно, «чтобы школы второй ступени не были поставщиками интеллигенции, чтобы они не давали таких людей, которые бы пожирали прибавочную стоимость, вырабатываемую рабочим классом».[99]

Претендентов действительно было множество. За счет прибавочной стоимости содержался могущественный репрессивный аппарат, существовали многочисленные государственные служащие, освобожденные работники парткомов, месткомов и т. д. «Рабочие создают прибавочную стоимость, — утверждал нарком труда В. В. Шмидт, — а служащие живут за счет налогов»,[100] и был абсолютно прав.

Насколько глубоки были эти классовые противоречия можно судить, например, по опасениям предсовнаркома А. И. Рыкова,

[97] Рашин А. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР. М, 1928. С. 126.

[98] Там же. С. 129.

[99] Протоколы и стенограммы заседаний фракции РКП(б) IV пленума ВЦСПС и резолюция фракции по докладу наркомпроса 27-28 сентября 1923 г. Ф. 95. Оп. 1. Д.38. Л. 3-4.

что «рабочий класс может запротестовать против чрезмерной прибавочной
стоимости, которую госпромышленность у него берет». В связи с этим он указывал, что «та прибавочная стоимость, которую берет государство, она не по плечу рабочему классу», и в качестве выхода предлагал, «известную часть в доле рабочего класса отнять у нэпманов и кое-чем поступиться от основного накопления госпромышленности».[101]

Целеустремленно сокращая потребление рабочих, управленческий персонал «единой фабрики» с не меньшей целеустремленностью расширял собственное потребление за счет прибавочной стоимости, создаваемой этими же рабочими. Это, в частности, ярко видно из протоколов коммунистической фракции ВЦСПС, официально заявленной, как и другие институты того времени, защищать интересы рабочих масс.

Председатель ВЦСПС М. П. Томский постоянно требовал, чтобы заработная плата фабрично-заводских рабочих ни в коем случае не повышалась. Вместе с наркомом труда В. В. Шмидтом он разрабатывал меры по сокращению затрат на содержания рабочей силы на фабриках и заводах. В частности, в марте 1922 г. секретариат фракции ВЦСПС в присутствии М. П. Томского, А. А. Андреева и В. В. Шмидта указала политбюро «на недопустимость выделения отдельных городов (Москва, Петроград) в привилегированное положение в смысле оплаты труда в ущерб рабочим остальной России». «Привилегированное положение» заключалось всего лишь в том, что реальная заработная плата 250 тыс. рабочих этих городов в отличие от остальной России, по указанию Молотова, не должна была понижаться по сравнению с январем.[102]

В это же время наркомат труда совместно с ВЦСПС разрабатывали меры по уменьшению заработной платы рабочих. «По всей линии, — говорил В. В. Шмидт, — мы вынуждены сжимать сейчас заработную плату с 10 до 4-х руб. 50 коп. и то не знаю, удержим ли мы ее».[103] Ему вторил ВЦСПС, утверждавший: «Оценка фактического состояния зарплаты показывает, что

[100] Стенограмма заседания фракции РКП(б) пленума ВЦСПС: о кооперации, медицинском обслуживании, социальном страховании, тарифах. ГРАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 35. Л. 10.

[101] Протокол и стенограмма объединенного собрания фракции РКП(б) при ВЦСПС и центральных комитетов профессиональных союзов и МГСПС по вопросу об экономической политике государства 5 января 1924 г. ГРАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 42. Л. 33.

директива ВЦСПС по приостановке роста зарплаты в легкой индустрии и подтягивании вперед отраслей крупной промышленности была реальной и правильной... Не идя на дальнейшее повышение зарплаты на ближайший период, как в промышленности, так и в советских, хозяйственных и кооперативных учреждениях и организациях, при перезаключении колдоговоров исчисление зарплаты сохранить в бюджетном индексе»,[104] что на деле предусматривало ее понижение.

Не менее показательно и то, что, когда в марте 1922 г. профсоюз связи потребовал оплаты своих работников всего лишь на уровне промышленных рабочих, М. П. Томский категорически против этого возражал. Между тем ЦК союза связистов мотивировал свою просьбу тем, что телеграфисты месяцами не получают зарплаты, на почве голода происходят самоубийства и «даже в Москве был случай падения с телеграфного столба монтера, который, оказалось, два дня ничего не ел и упал от истощения».[105]

Разумеется, нельзя отрицать, что в определенных ситуациях заработная плата может понижаться либо замораживаться. Поражает другое. В то время как рабочим предлагалось туже затянуть пояса, М. П. Томский, будучи членом политбюро, имевшим в своем личном распоряжении все, что только можно пожелать, не постеснялся публично заявить, что «если вы будете меня, как председателя содержать хуже, то я через два месяца задеру ноги. И тариф ответственных работников, предусматривает разряды и от системы уравнительности пора отказаться».[106]

Но это далеко не все. По его инициативе развернулась кампания за ограничение всех отчислений от заработка ответственных работников шестью процентами и приравнение их в отношении налогов к высококвалифицированным рабочим. С этой целью на заседании бюро фракции ВЦСПС в ноябре 1923 г. было принято решение «Поручить ОТЭ ВЦСПС совместно с представителями МГСПС от имени бюро фракции войти в ЦК РКП(б) и ВЦИК

[102] Протокол № 24 заседания секретариата фракции ВЦСПС от 2 марта 1922 г. ГРАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 33. Л. 28.

[103] Докладная записка бюро фракции РКП(б) Центрального комитета профсоюза работников просвещения в ЦК РКП(б) и бюро фракции ВЦСПС с предложениями по улучшению работ народного комиссариата просвещения 22 июня 1922 г. Ф. 95. Оп. 1. Д. 36. Л. 79.

[104] Протоколы заседаний бюро фракции РКЩб) при ВЦСПС с материалами. 2 января 1923 г. — 15 декабря 1923 г. Ф. 95. Оп. 1. Д. 37. Л. 77-78.

[105] См. Протокол заседания фракции РКП(б) расширенного пленума ЦК союза связи 11 марта 1922 г. ГРАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 32.

с предложением о необходимости обследования реальной заработной платы ответственных работников и принятия мер к ее освобождению от чрезмерно высокого обложения».[107]

Когда взимались такие отчисления из заработной платы рабочих, как профсоюзные взносы, взносы в кассу взаимопомощи, на клубную
работу и т. д., а также выплаты по облигациям займов, то это считалось благом. Когда же эти поборы взимались из заработков ответственных сотрудников, то их рассматривали в лучшем случае, как вопиющую несправедливость.

Отчисления из заработка ответственных работников, — отмечается в протоколах бюро фракции РКП(б) при ВЦСПС, — в партию, профсоюз, кассу взаимопомощи, клуб, подоходный налог и на всякие другие цели в среднем достигают 20-25%. Если к этому прибавить еще потерю по облигациям займов, то фактически средний заработок ответственного работника всех отраслей не превышает 60%». В связи с этим было решено: «возбудить перед ЦК РКП(б) вопрос об уничтожении взимания парткомитетами на различные нужды отчислений из заработка ответственных работников, установив лишь твердый процент в партию и профсоюз... Заработок литературных работников не ограничивать».[108] Заметим, почти все ответственные сотрудники регулярно печатались в самых престижных изданиях. Публикации обычно готовились подчиненными. Плату же за «литературный труд» получали руководители. Гонорары в те годы были самыми большими за все годы существования советской власти.

Интересы ответственных работников, разумеется, удалось отстоять. В протоколе № 63 бюро фракции ВЦСПС мы находим следующую запись: «Считать необходимым ограничить все отчисления от заработка ответственных работников шестью процентами и приравнять их в отношении налогов к высококвалифицированным рабочим».[109]

В то время как фабрично-заводские рабочие жили на жалкие гроши, руководящий персонал фабрик и заводов процветал, получая высокую заработную плату, тантьемы и т. д. Особенно высокие ставки зарплаты и тантьемы присваивались управленческими аппаратами трестов. В частности, только на зарплату правления электромашиностроительного треста приходилось 27% фонда заработной платы всех находившихся в его подчинении заводов, или, иначе говоря, почти треть всех расходов треста по этой статье.[110] Но это еще все. В их распоряжении находились также амортизационные отчисления, фонды улучшения быта рабочих и т. д., которые они тратили на свои собственные нужды.

Оказать действенное сопротивление неуемной жажде наживы управленческого персонала фабрично-заводские рабочие не могли. При малейшем проявлении протеста они оказывались в лучшем случае на улице, в худшем — благодаря стараниям ГПУ в местах более отдаленных. К тому же в условиях безработицы, оказавшись за фабричными воротами, им было чрезвычайно трудно найти работу вновь, поскольку их фамилии зачисляли в черные списки, составляемые тем же ГПУ.

Сейчас много пишут о том, что в годы нэпа фабрично-заводские рабочие имели право проводить забастовки. Но это право, как правило, оставалось формальным. Уже в середине 20-х гг. проводить массовые стачки они фактически не могли. Об этом, например, свидетельствуют «Таблицы движения стачек и забастовок за 1926 г.», составленные ВЦСПС по материалам ГПУ.[111] Из таблиц видно, что число трудовых конфликтов, в которых участвовали фабрично-заводские рабочие (металлисты и текстильщики) составляли меньшинство 284 из 841. Чаще всех конфликтовали те, кто трудился артельно (сезонники, в том числе строители, грузчики и т. д.).

Причиной конфликтов фабрично-заводских рабочих были стихийные возмущения, вызванные размером зарплаты и ее задержками, расценками, приработками, а также организацией производства, условиями труда, грубостью администрации, невыполнением коллективных договоров. Причиной конфликтов артельщиков -возмущения, вызванные задержками платы за проделанную работу и попытками администрации заставить бесплатно трудиться сверх оговоренных объемов работ.

По среднему показателю числа участников, приходившихся на один конфликт, фабрично-заводские рабочие опять-таки не

[106] Протокол заседания фракции РКЩб) расширенного пленума союза связи 11 марта 1922 г. РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 32. Л. 33.

[107] Протокол № 42 Заседания бюро фракции ВЦСПС 16 ноября 1923 г. РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 37. Л. 94.

[108] Протоколы заседаний бюро фракции РКП(б) при ВЦСПС с материалами январь 1924 г. декабрь 1924 г. РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 41. Л. 2-3.

[109] Протокол № 63 заседания бюро фракции ВЦСПС от 8 апреля 1924 г. РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 41. Л. 86.

[110] Профессиональные союзы и производительность труда.//Петроградская правда № 13. 18 01. 1923.

[111] См. ГРАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 99. Л. 7.

опережали всех (число металлистов составляло 114 чел., текстильщиков — 102). Наибольший аналогичный показатель дали сезонники, в том числе строители 154 чел. и грузчики — 136 чел. Негодование рабочих фабричными порядками было стихийным. У них не было организаций, способных вести стачечную борьбу. Профсоюзы всегда были на стороне администрации. Другое дело сезонники либо грузчики. Они были сплочены артелями в единые коллективы, руководители которых были сами непосредственно заинтересованы в соблюдении соглашений. Поэтому артельщики дружнее участвовали в трудовых конфликтах, чем фабрично-заводские рабочие.

Низкие показатели среднего числа фабрично-заводских рабочих, участвовавших в конфликтах, объясняются тем, что конфликты редко выходили за рамки того или иного цеха. Условия труда каждого из цехов отличались от условий труда остальных подразделений фабрики. В этом отношении типична, например, приостановка работы на суконной фабрике в Кинцевском районе Брянской губернии, вызванная изменениями норм выработки, установленными для ткачей в целях поднятия производительности труда за счет его интенсификации.[112] Ткачи (среди них были коммунисты и комсомольцы) пытались остановить всю фабрику. Они ходили в механический, промывной и некоторые другие цеха, агитируя рабочих поддержать ткачей, но встретили отпор. В течение всего конфликта вся фабрика, с числом рабочих 1200 чел. за исключением ткачей работала без перебоев. Как обычно, в данном случае сказался цеховой сепаратизм, так как новые нормы выработки не затронули остальных рабочих.

С точки зрения средней продолжительности конфликтов показатели мало разнятся друг от друга — 1,9 дня у металлистов, 0,7 дня у текстильщиков, 0,92 дня у грузчиков и 1,6 дня у сезонников. Строго говоря, это были не забастовки, а краткосрочные приостановки работы, заканчивающиеся, так или иначе, соглашениями конфликтующих сторон. Причем далеко не все конфликты ГПУ считало нужным учитывать в своих сводках. «Рабочим по большей части нормы не сообщаются, писала «Красная газета». Рабочим известен только сдельный расценок. Но еще важнее — отсутствие твердых норм и расценок. На металлическом заводе и на заводе им. Макса Гельца нет вообще закрепленных норм и расценок, на

[112] См. Протоколы заседаний президиума ЦК профсоюзов текстильщиков, доклад о забастовке на суконной фабрике в Кинцевском районе Брянской губ. и др. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 97. Л. 9-10.

остальных закреплены нормы лишь на 6 месяцев, после чего пересматриваются... Конфликты составляют десятки и сотни в месяц на каждом заводе. Достаточно указать, что на Красном Путиловце на почве норм и расценок было за год 3589 конфликтов, на Балтийском заводе за 2 месяца 77 конфликтов».[113]

Как справедливо отмечалось в сборнике ЦК Российской социал-демократической партии, опубликованном в Берлине в 1926 г., среди российских рабочих наблюдался «аполитизм и своеобразный экономизм».[114] Тот самый «экономизм», о котором писал Ленин в начале XX века, в условиях существования «единой фабрики» с ее громадным репрессивным аппаратом в годы нэпа стал хроническим, замкнувшись на отношениях рабочих той или иной профессии, того или иного цеха с так называемыми работодателями в лице управленческого персонала. Последовавшее развитие показало, что сведение этих отношений к цеховым конфликтам было всего лишь переходной формой к окончательной утрате права рабочих коллективно высказывать свое возмущение фабрично-заводскими порядками.

С началом нэпа в структуре рабочих, трудившихся на фабриках и заводах, произошли большие изменения. С переходом от натуральной к денежной оплате, реальная зарплата стала расти. Жители деревень вновь устремились в города, чему способствовал чудовищный голод, вызванный засухой и неурожаем 1921 г.

Ориентируясь на снижение издержек, обусловленных заработной платой, руководители предприятий сознательно расширяли сферу использования неквалифицированного труда. За годы нэпа доля вспомогательных рабочих заметно повысилась при существенном уменьшении доли квалифицированных рабочих, По утверждению Е. Преображенского, «более половины квалифицированных рабочих совершенно исчезли: часть вымерла естественным путем, часть погибла на фронтах, часть попала на советскую работу, часть безнадежно осела в деревне».[115] «Процент квалифицированных рабочих, — писал в 1925 г. А. Рабинович, — к общему числу рабочих понизился и, несмотря на его рост, еще отстает от довоенной нормы... Численность вспомогательной рабочей силы и ее роль в общем количестве занятых рабочих сейчас значительно выше, чем в довоенное время».[116]

[113] Недочеты зарплаты//Красная газета. Вечерний выпуск. 14 января Л., 1927.

[114] См. Проблемы революции. Издание заграничной делегации РСДРП. (Сборник центрального комитета российской социал-демократической рабочей партии). Берлин, 1926. С. 13.

Как и до революции, источником пополнения неквалифицированных рабочих служил найм выходцев из деревни. Но этот найм производился уже в качественно новых условиях, когда за стенами предприятий крупнейших промышленных центров появилось множество безработных, полностью утративших связи с разоренной войнами деревней и городскими местечками. «Между 1923 г. и 1926 г. городское население выросло на 24%, в то время как рост всего населения страны равнялся лишь 8-9%».[117] Подобный наплыв в города деревенских жителей, готовых выполнять за нищенскую плату любую работу наблюдался и в КНР в годы большого скачка. По сравнению с 1949 г. численность рабочих и служащих в государственной промышленности этой страны возросла с 7 млн. до 23 млн. человек.

Руководителям предприятий особенно выгодным был временный найм неквалифицированных рабочих. В 20-е годы доля постоянно трудившихся по найму в промышленности составляла лишь около 30%, включая рабочих и служащих. Учитывая громадный рост числа служащих, можно утверждать, что доля фабрично-заводских рабочих с их непомерными, с точки зрения директоров, притязаниями на хороший заработок сократилась намного больше довоенного уровня. «Процесс изменения рабочего состава, — пишет Л. Пумянский о начале нэпа, -происходил таким образом, что сначала была произведена радикальная чистка числящихся на фабриках рабочих, а затем происходило привлечение к работе новых рабочих со строгим контролем их пригодности и преимущественным подбором ранее работавших в данном производстве». [118] При этом предпочтение отдавалось временным рабочим.

Временный работник обходился значительно дешевле: ему не надо было платить компенсацию при увольнении и оплачивать простои, которые были необычайно велики. По окончании срока найма его можно было нанять вновь, если он оказывался достаточно покладистым, если нет, при имеющейся безработице заменить другим.

Временный найм был выгоден еще и потому, что у рабочих становилось меньше возможностей оказывать сопротивление требованиям заводской администрации, заинтересованной в понижении заработной платы. «Главное следствие системы временного

[115] Цит по: Гастев А. Кризис рабочей силы //Вопросы труда М., 1923. № 4.

[116] Труд в России. Исторический сборник. Л., 1925 № 2-3. С. 164.

[117] Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Выпуск X. // Население Союза СССР по положению в занятии и отраслям народного хозяйства. М, 1929. С. 10.

найма, -пишет Д. Филтзер, — безусловно, политическое: ослабление сплоченности и боевитости рабочих. Отсутствие гарантии обеспеченности работой, ненадежность положения на предприятии - особенно во время высокого уровня безработицы — дисциплинирует, по крайней мере, тех, кого затронул временный найм. Они менее способны оспаривать решения управленческого персонала. В то же время большая текучесть рабочей силы, вызванная сменяемостью работающих, ограничивает возможности роста у рабочих чувства солидарности и осознания себя частью единого рабочего коллектива».

Там, где широко привлекается неквалифицированный ручной труд, большие простои неизбежны. Как известно, в индустриально развитых странах уже в 20-х годах прошлого века складывалась расчлененная, по выражению Маркса, система машин, в которой последовательность стадий всего производственного процесса так или иначе регулируется действием самих механизмов, внедрявшихся из-за высокой стоимости рабочей силы. Даже в тех случаях, когда не удавалось избежать ручных операций, последние подчинялись движению механизмов, как это было, например, при использовании конвейеров. В связи с этим простои здесь возникали либо по причинам сбоев самих механизмов, либо по причинам, непосредственно не связанными с ними, а именно по причинам, обусловленным рынком.

Иное дело, когда расчлененной системы механизмов нет, как это было в годы нэпа в России, где множество производственных операций осуществлялось вручную, непосредственно не завися от работы машин. В таких случаях основные сбои происходят по причине использования дешевого ручного труда. Соревноваться с системой машин в своевременности, а, следовательно, и в скорости исполнения последовательных операций людям не дано. В нэповской России к этому добавлялось и то, что разнородные ручные операции выполнялись изнуренными рабочими, которые не могли все рабочее время трудиться интенсивно.

Возникавшие на этой почве простои были необычайно велики. «По обследованиям 1923-1924 гг. полезное время работы на большинстве предприятий, — писал А. Рабинович, — составляет 60-50% или даже меньше 50% всего рабочего дня, а остальное вре-

[118] Пумянский Л. Организация и работа советских трестов//Нэп. Взгляд со стороны... С. 125.

[119] Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization. The Formation of Modern Soviet Production Relations 1928-1941. L, 1986. P. 27.

мя теряется непроизводительно по вине предприятия или рабочего... Результаты обследования производственных цехов металлообрабатывающих предприятий говорят о том, что в большинстве случаев соотношение между действительной работой и холостым ходом (простоями в цехах) равно 6 : 4».[120] Еще большие простои были в текстильной промышленности, где, как показали хронометражные исследования, в большинстве случаев значительная часть профессий рабочих различных отделений работает производительно всего 40-50% рабочего дня, остальное время составляют простои и нерациональная работа.

При таких больших простоях использование временного труда неквалифицированных рабочих, которым за простои ничего не платили, было особенно выгодно управленческому персоналу. Неслучайно и то, что превалировавшая на фабриках и заводах нищенская зарплата была рассчитана преимущественно на оплату труда тех, кому не приходилось содержать на нее семью. Одним из первых, кто неопровержимо сумел доказать эту особенность заработной платы рабочих фабрик и заводов был Н. Евреинов, проводивший обследование бюджетов тульских рабочих.[121]

Как известно, реальная заработная плата определяется стоимостью потребленных товаров и услуг. В годы нэпа ее динамика в условиях галопировавшей инфляции отсчитывалась от довоенного уровня, позволяя фальсифицировать ухудшавшееся положение рабочих. За отсчет реальной зарплаты принимался так называемый товарный рубль. Последний равнялся стоимости в московских ценах товаров и услуг, приходившихся на один из десяти довоенных рублей. Такой способ выявления реальной зарплаты давал возможность сравнивать жизненный уровень рабочих в годы нэпа с их жизненным уровнем в годы царизма. То, что при большевиках этот уровень заметно понизился до 1927 г. считалось само разумеющимся.

Однако степень реального сокращения потребления рабочего была значительно выше, чем показывала эта замысловатая статистика. Во-первых, московские цены из-за наименьшего дефицита товаров и относительно низких торговых наценок были ниже, чем в остальной России, и, во вторых, средний заработок до войны был значительно выше десяти рублей. По данным русского

[120] Труд в России. Исторический сборник. № 2-3... С. 170.

[121] Евреинов Н., Коган Е. Бюджет тульского рабочего. Данные обследования бюджета семейных рабочих заводов 1-й и 10-й за время март-сентябрь 1925 г. и сравнительные данные бюджетов 1923, 1924 и 1925 гг. Тула, 1926.

экономического сборника, «За 13 лет с 1900 г. по 1913 г. реальная заработная плата русского рабочего повысилась только на 11,8%, причем главный подъем ее имел место в революционные 1905-1906 годы, а затем она не только не росла, но даже падала, хотя незначительно».[122] В 1905 г. даже чернорабочий в Петербурге получал в месяц свыше 20-ти руб.

Что касается торговых наценок при розничных продажах, то они в уездах вдвое превышали московские. Последние к оптовым ценам 1925 г. составляли 49,8%, тогда как до войны они равнялись всего 20%. Уже одно это, не говоря о возросшей себестоимости, намного удорожало товары, потреблявшиеся рабочими.

Благодаря такого рода манипуляциям, по данным большевиков, среднемесячная зарплата (она включала зарплату рабочих и служащих) на лучших, полностью загруженных фабриках в октябре 1925 г. равнялась 30,36 товарных рублей, что позволяло им утверждать, что «в 1925 г. среднемесячная зарплата достигла 81,3% довоенного уровня, а в Москве и Ленинграде заработная плата значительно превысила довоенный уровень».[123]

Однако даже в 1926 г. вопреки высказываниям высокопоставленных руководителей большевиков зарплата рабочего не достигла нищенского уровня царской России. «Некоторые очень ответственные товарищи, — заявил наркомтруд В. В. Шмидт, — имели неосторожность... сказать, что в этом году (1926 г. — Ю. И.) мы достигнем довоенного уровня заработной платы, а может даже перешагнем его. Это крайне неосторожно сказано. Профсоюзам пришлось разъяснять массам, почему мы этого в нынешнем году достигнуть не можем».[124]

За 1926 г. последовал 1927 г. — год десятилетия Октябрьского переворота, в связи с чем было торжественно объявлено, что реальная заработная плата рабочих наконец-то достигла довоенного уровня. На самом деле этого «выдающегося» достижения не было и в помине. Согласно данным члена коллегии НК РКИ В. П. Милютина, в 1925/26 г. Россия имела следующие показатели доли подушевого довоенного производства: хлопчатобумажные ткани 63,1%., кожа 57,6%, сахар 82,9%, соль 93,3%, стекло 57,5%, керосин 73,2%, спички — 100%. «Из этих данных, — говорил В. П. Милютин, — мы видим, что самые необходимые для широкого потребления предметы промышленного производства, даже при предполагаемом развертывании промышленности все же в сред-

[122] Русский экономический сборник... VI. 1926. С. 167.

[123] Там же.

[124] Карр Э. История Советской России. Кн. 5. С. 298.

нем будут удовлетворять потребности по сравнению с довоенном периодом от 60 до 80%».[125]

Но дело не только в этом. В 1926 г. цены на промышленные товары были значительно выше довоенных. Так, метр ситца до войны стоил 19,7 коп., в 1926 г. — 57,4 коп., фунт сахара соответственно 12 коп. и 26 коп., пуд соли 32 коп. и 1 руб. 13 коп., спички 10 коп. и 15 коп. Спрашивается, при таких несусветных ценах много ли можно было купить на 10 довоенных рублей.

Посмотрим теперь, как обстояло дело с действительным потреблением рабочего. Для начала обратимся к уже известной книге Н. Евреинова и Е. Когана «Бюджет тульского рабочего». Согласно приводимым им данным, бюджет семейного рабочего составлял 31 тов. руб. 09 коп., одинокого — 21 тов. руб. 95 коп. Однако у семейного рабочего (он неизменно квалифицированный, зачастую обладающий приусадебным участком) на одного условного едока приходилось 10,82 тов. руб., тогда как одинокий тратил на себя 19 руб. 72 коп. Иначе говоря, одинокому жилось лучше, чем семейному.

Несомненной заслугой Н. Евреинова является то, что в отличие от многих исследователей он исключал при оценке потребления рабочего доходы, обусловленные долгами, распродажами и закладами вещей и т.

д. Такие доходы не расширяли потребление рабочего, а порой и сокращали его. Поэтому Н. Евреинов называет их отрицательными. По его данным отрицательные доходы у семейных рабочих составляли около 20-ти процентов их бюджета, у одиноких несколько больше 10-ти процентов.

Основными статьями расходов были продовольствие, жилище и одежда. «Если семейный рабочий, — пишет Н. Евреинов, — тратит на питание 40% своего бюджета, то одинокий — 36%. На жилище семейный тратит 24%, одинокий 8%. С другой стороны, расходы на одежду занимают у одинокого треть бюджета, а у семейного менее пятой».[126] Анализируя данные 1923 г., Н Евреинов отмечает, что в расчете на едока одинокие питались лучше, чем семейные рабочие. Одинокие имеют возможность, — пишет он, — потреблять в большем размере сравнительно дорогие и высокого качества продукты. Ржаной хлеб одинокие потребляют в месяц 76 фунтов, тогда как семейные всего лишь 73 фунта. Наоборот, картофель в большей степени потребляется семейными — 92 фунта на едока, чем одинокими — 81,9 фунта. Потребление круп и овощей почти одинаково у тех и других. Стол одинокого рабочего зато го-

[125] Вопросы хозяйственной политики... С. 55.

раздо лучше удовлетворяется такими продуктами, как пшеничный хлеб и мясо. Белого хлеба одинокий потребляет 15 фунтов в месяц, т. е. полфунта в день, тогда как семейный всего лишь 6,9 фунтов в месяц, т. е. около четверти фунта в день. Мяса одинокий потребляет 11,2 фунта в месяц, тогда как семейный всего 8 фунтов».[127]

Хотя показатели расходов на питание одинокого рабочего и одного едока семейного существенно разнятся (6,6 товарных руб. у первого и 4,32 товарных руб. у второго) в ряде моментов питание и тех и других имеет близкие черты. С точки зрения калорийности питания (соответственно 4,5 тыс. кал. и 4,3 тыс. кал.) рубеж выживания на грани голодной смерти, по-видимому, был преодолен. Но это преодоление было достигнуто преимущественно за счет продуктов растительного происхождения и, прежде всего, хлеба, подтверждая тем самым тот факт, что от цены последнего существенно зависел размер зарплаты рабочего. Вместе с тем поражает чрезвычайно скудное потребление жиров и белков животного происхождения. Даже одинокий рабочий съедал в среднем за день всего 0,31 фунта или 122 гр. в день мясных продуктов. Колбасы и рыбы он практически не покупал (всего 3,3 фунта или 1,35 кг в месяц). Между тем, как до революции дешевая колбаса была постоянным продуктом его питания, а в живопырнях он регулярно поглощал мясные отбросы и периодически покупал печенку в качестве средства от куриной слепоты.

Примерно таким же, как у тульского металлиста, было питание у ярославского текстильщика: «оно в целом продолжает сохранять, — указывается в статистическом вестнике, — растительный характер и может быть названо хлебно-картофельным: из 80,12% растительного состава пищи — 45,12% составляют хлебные продукты, а 31,13% — картофель».[128] Исследователи констатировали, что здесь (как и всюду) на почве недостатка животного белка возникали различные заболевания и возрастал коэффициент смертности. Подобный характер питания отмечен и у ивановского текстильщика 1926 г. На каждого едока здесь в среднем приходилось в месяц 30 фунтов ржаной муки, 24,1 фунтов пшеничной муки, 4,6 фунтов круп и пшена, полфунта риса, 22,6 фунта картофеля, всего 5 фунтов мяса, 4,1 фунт сладостей.[129]

Приведенные данные указывают на то, что по сравнению с 1923 г. существенных изменений в питании фабричных рабочих не произошло. Правда, некоторые исследователи отмечают рост потребления спиртных напитков, фиксируя внимание на том, что

[126] Евреинов Н., Коган Е. Бюджет тульского рабочего... С. 86.
[127] Там же. С. 97.

после введения в 1925 г. винной монополии потребление водки (в просторечии «рыковки»), в городах стало быстро расти. Если з 1925 г. на семью в месяц покупали в среднем 1,5 бутылки, в 1926 г. — 1,3, в 1927 г. — 2,4., то в 1928 г. — 3 бутылки.[130] Однако эти цифры не раскрывают подлинные масштабы спаивания населения, поскольку помимо водки безмерно потреблялся самогон.

Значительный интерес представляет бюджетный набор рабочего, составленный Московским бюро статистики труда и Госплана исходя из розничных цен в червонных рублях и копейках на 15 декабря 1926 г.[131] Общая стоимость бюджетного набора товаров равнялась 21 руб. 51 коп. по рыночным ценам и 18 руб. 35 коп. по ценам кооперативной торговли. Небольшое расхождение в приведенных цифрах, по-видимому, объясняется тем, что в кооперативных лавках продавались товары худшего качества. К тому же некоторые из них продавались по государственным ценам — керосин, табак 2-й сорт, дрова и т. д.

Заметим, что общая стоимость бюджетного набора почти в точности совпадает с бюджетным набором одинокого тульского металлиста 1923 г., равным 19 руб. 72 коп. Однако у московского рабочего расходы на питание почти вдвое выше, чем у тульского металлиста. У первого по рыночным ценам они составляют 14 руб. 19 коп., по кооперативным — 11 руб. 98 коп. против 5 руб. 50 коп. у второго, что свидетельствует о росте розничных цен, прежде всего, на зерно и товары растительного происхождения в виду начавшихся серьезных сбоев в снабжении городского населения хлебом.

Другая особенность бюджета — мизерность мясных и рыбных продуктов. Из него полностью исчезла колбаса. Мяса полагалось в месяц всего 7,8 фунта или 3 кг. А это означает, что за день московский рабочий мог потреблять мяса 106,6 гр. и соответственно сельди 3 фунта (1,2 кг в месяц или 40 г. в день). Иначе говоря, его потребление, по крайней мере, оставалось примерно на уровне (если не хуже) тульского рабочего 1923 г., когда официально признавалось, что заработная плата составляет половину довоенного уровня.

За годы нэпа резко ухудшились жилищные условия рабочих. С целью удержания зарплаты на низком уровне квартплата в муниципальных и фабричных домах устанавливалась таким образом (ее зачастую даже не учитывали в бюджетном наборе), что она не окупала элементарный ремонт помещений. Новых же помещений для рабочих не строили, тогда как число трудившихся на фабриках и заводах возросло из-за широкого использования неквалифицированного труда. Одновременно росло и число тех, кто всякими правдами и неправдами стремился осесть в Москве, где заработная плата была самой высокой в стране. В итоге жилищная теснота достигла здесь таких пределов, при которых скученность в помещениях царской России стала казаться безвозвратно утраченным раем.

[128] Ярославский статистический вестник. Январь-май. № 5. Ярославль, 1925. С. 74.

[129] Труд и производство. № 7-8 Иваново-Вознесенск, 1926. С. 6.

[130] Нэп в контексте исторического развития России... С. 199.

[131] Материалы ВЦСПС. Апрель-декабрь 1926 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 83.Л. 7.

«Многие члены семьи отмечалось в материалах московского обследования, — вынуждены спать вповалку на общей семейной постели или ночевать на полатях, лежанках, сундуках, часто на полу. Как свидетельствуют данные жилищной анкеты, от недостатка кроватей особенно сильно страдают дети и подростки: отдельную кровать имеют всего четверть обследованных детей, считая и детей грудного возраста. Большая половина спящих на кровати детей, считая и детей грудного возраста, спят по двое на одной кровати или разделяют ее со своими родителями».[132]

Отмеченная тенденция характерна не только для Москвы, но и других районов сосредоточения фабрик и заводов. «Явную угрозу здоровью и жизни рабочего класса, — пишет, в частности, П. Кожаный, — представляет такое снижение жилищного минимума, которое мы видим, например, на 25 фабриках Иваново-Вознесенского района. Там каждый трудящийся (47,5 тыс. чел) имеет для отдыха от тяжелой работы, для сна, который подкрепляет силы, для домашнего уюта 5 2/3 кв. аршин. Да ведь это пространство немногим превышает то, которое будет занимать труп этого человека, когда потрясающая жилищная нужда вгонит его в могилу. Но это не самое худшее — есть места, где на каждого приходится жилой площади по «полтора гроба», т. е. по 4-5 кв. аршин. На Родниковской фабрике Иваново-Вознесенского треста (2,4 тыс. раб.) менее 5 кв. аршин, почти в 4 раза ниже голодной жилой нормы! А на Старо-Павловской ф-ке Камвольного треста около 600 чел. умудряются помещаться по 2,5 кв. аршин».[133]

Подобная теснота была правилом проживания рабочих фабрик и заводов. «У металлистов в таких рабочих районах, как Сормово, Ижевск и др. едва доходит до 3,5 кв. м на душу. То же самое у текстилей в таких районах, как Орехово-Зуево, Ярцево, Тверь, Ярославль».[134]

[132] Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. М., 1929. С. 67,

В Канавинском районе из 41 тыс. чел. 30 тыс. проживали, имея в среднем на одного 5 кв. аршин (2,5 кв. м). «Какие это жилища? -говорил Стрижов из Нижегородской губернии. У нас есть поселок, называется «Кавказ», где на горе рабочие вырывают полуземлянки, покупают тесу или просто горбушины, закладывают их и живут в этих жилищах».[135]

Единственно, чем отличался нэп от последовавшего за ним периода, так тем, что чудовищная скученность еще не стала привычной нормой, и ее как аномалию пока можно было обсуждать на самых высоких уровнях. В частности, на XII всероссийском съезде советов, представитель ВЦСПС Толстяков констатировал следующее: «Мы имеем целый ряд предприятий, где норма жилплощади не оправдывается никакими законами. Например, по фарфоровой промышленности норма жилплощади на одного живущего составляет 1,8 кв. м. На Урале в асбестовой промышленности эта площадь составляет 2,3 кв. м. Можно ли ожидать, — спрашивал он, — что в этих условиях рабочий может восстановить затраченные в производстве силы?».[136] Ответ напрашивался сам собой.

На XIII всероссийском съезде советов, где предсовнаркома А. И. Рыков заявил, что «в целом ряде районов жилищные условия рабочих чуть ли не хуже, чем до войны», среди выступавших по этому вопросу была работница Ярцевской фабрики Новикова. Она рассказала следующее: «В настоящее время мы живем в очень плохих квартирных условиях. У нас работают крестьяне, которые приходят из деревни за 7-8 верст на фабрику. У нас нет для них помещений, и они должны после работы в грязь и ненастную погоду возвращаться за 7-8 верст домой. Это недопустимо. Рабочие, которые живут возле фабрики, помещаются в построенных еще при капиталистическом строе казематах или, как называют их рабочие, казармах. Нас спрашивают: «Товарищи, почему вы такие бледные?» Да, потому, что в наших жилищах мало воздуха. После 8-часовой работы на фабрике нам приходится возвращаться в казармы, в которых нам дается площадь только в 2 кв. м для семьи в 3-5 человек. Это недопустимо. Есть случаи, когда в одной каморке живут три семьи».[137] Пройдет всего несколько лет. Казавшиеся немыслимыми жилищные условия еще более ухудшатся, превратив-

[133] Кожаный П. На жилищном фронте//Вестник труда № 7. М., 1924. С.

[134] Вестник труда № 5 1927. С. 35.

[135] Всероссийский центральный исполнительный комитет XII созыва. Октябрь 1925 г. Вторая сессия. Стенографический отчет. М., 1925. С. 426.

[136] РСФСР. Съезд 12-й. Стенографический отчет. М., 1925 С. 75.

шись в привычную норму быта. Их публичные обсуждения будут считаться происками контрреволюционеров и меньшевиков. Жилищный вопрос окончательно испортит всех.

Немыслимая теснота позволяла снижать реальную зарплату не только прямо, сокращением расходов на коммунальные платежи, но и косвенно. У рабочих исчезала возможность приобретать мебель и другие предметы домашнего обихода. По данным санитарного обследования Красноуральского асбестового рудника Петрокаменного района Тагильского округа площадь на одного жителя казарм составляла 2,32 кв. м, постоянного семейного — 3,76 кв. м. «При расчете числа населения на кровать, — пишут авторы обследования, — получится в казармах на кровать приходится 1,2 чел., у служащих 2, у постоянных — 4,4 чел. Один тюфяк в казармах приходится на 9,7 кроватей, т. е. из 10 лишь один спит на тюфяке, а остальные или спят на голых досках или подкладывают барахлишко. У постоянных тюфяков 23. Одну подушку в казармах обслуживает 5 кроватей, у постоянных (карловцев) 2,4 кроватей. Недостаток жилой площади не позволяет карловцам поставить лишнюю, кровать. Они вынуждены довольствоваться спаньем на полу, очевидно в виду тесноты вповалку».[138]

А вот результаты обследования Трехгорного пивоваренного завода, где 90,5% рабочих проживали на территории завода, имея жилплощадь менее санитарной нормы. «Кровати, — пишут производившие обследование врачи, — размещены у стен чрезвычайно тесно: по две кровати вплотную с промежутками между каждой парой в 0,5 м. В центре комнаты длинный стол. На стенах у большинства кроватей маленький деревянный шкафчик для посуды и мелочей.

Одежда хранится в корзинах и сундуках под кроватями. Каждая кровать снабжена от заводоуправления травяными матрацем и подушкой, по одной смене постельного белья и байковым одеялом».[139]

По данным московского бюджетного индекса, расходы рабочего на одежду и предметы личной гигиены должны были составлять по рыночным ценам 3 руб. 68 коп., по кооперативным — 3 руб. 27 коп. Если учесть, что в 1926 г. один метр ситца стоил 57 коп., то окажется, что рабочий мог на эти деньги купить примерно лишь одну простыню. А ведь ему приходилось еще одеваться и

[137] РСФСР. Съезд 13-й. Стенографический отчет. М., 1927. С. 142. 179.

[138] Рабочий быт и жилищно-санитарное благоустройство//Экономика. № 6-7 (37-38). Пермь, 1926. С. 25.

обуваться. Поэтому спецодежда постоянно использовалась для повседневной носки. Так, по данным обследования быта работников канализационной сети Москвы, отдельной кровати не было у 150 (81%) рабочих, постельного белья у 28% рабочих. Пятеро из них не имели возможности сменить и носильное белье. Не снимали рабочей одежды и обуви 79,5% . Спецодежда, (запачканная испражнениями) хранилась в комнате, где спят и едят у 28%, в кухне — 2,5%, в коридоре — у 66,5%. [140] Рабочие постоянно требовали вплоть до возникновения конфликтов с приостановкой работы расширения круга лиц, пользующихся спецодеждой. Профсоюзы и политбюро постоянно принимали решения об их сокращении. Обладание спецодеждой и профбилетом считалось верным признаком обеспеченности. Как пелось в те годы: «жених был во всей прозодежде, из блузы торчал профбилет».

Все помыслы большевиков были направлены на сокращение жалких потребностей фабрично-заводских рабочих, сложившихся в период существования царизма. Стоило в конце 1922 г. зарплате в промышленности достичь лишь половины довоенного уровня, как ВЦСПС по указанию ЦК РКП(б) призвал приостановить ее повышение, что послужило сигналом к ее повсеместному снижению.[141]

Естественно, указанное снижение не могло негативно не сказаться на производительности труда. Но ее падение было меньше, чем падение заработной платы, чему способствовали прежние навыки труда. «В феврале 1923 г., — пишет Ю. Ларин, — средняя производительность труда считается выше 70-ти процентов довоенной, а средняя зарплата — только 50%. Проще говоря, рабочий по производительности труда дает сейчас примерно чуть ли не на половину больше того процента, какой он получает по заработной плате сравнительно с довоенными годами».[142] Другими словами, норма прибавочной стоимости стала выше довоенной, тогда как, по словам того же Ю. Ларина, зарплаты хватало лишь на «простецкое удовлетворение голода ржаным хлебом, картошкой и т. п.».[143]

В. В. Кассиор по поводу зарплаты говорил следующее: «72% рабочих получили в первой половине 1923 г. не более 14 товарных рублей. Это... настолько низкая заработная плата, что при существующей производительности труда она, несомненно, ведет не к культурному росту и не к восстановлению рабочего класса, а к его по существу дела истощению, ибо при такой заработной плате рабочий не может восстанавливать ту рабочую силу, которую теряет в процессе производства».[144] Каким же надо было обладать

цинизмом, чтобы в январе 1923 г. начать в печати кампанию: рабочий класс живет слишком жирно, следовательно, необходимо его урезать, чтобы крестьянин не чувствовал себя обиженным».[145]

Пропаганда того, что рабочий класс живет лучше крестьян, имела и политический аспект. Она разъединяла эти классы, имевшие общего врага — управленческий персонал «единой фабрики». Разговоры о том, что рабочие жиреют за счет крестьян, широко циркулировали в деревне. Они неоднократно фиксировались в сводках ГПУ. Так, во Владимирской губернии, — записано в одной из них, — «в связи с докладом о Доброхиме и Воздухфлоте крестьяне села Дубинки Александровской волости ожидают жестокой войны и заявляют: «Мы теперь прозрели не как при царизме, и мы выйдем на свой крестьянский свободный путь, уравним рабочего с крестьянином, уничтожим ответработников, которые получают огромные оклады и которые не приносят никакой пользы крестьянству, вернем собственность на землю, леса».[146]

Стараясь минимизировать затраты на заработную плату большевики снижали ее долю в стоимости продукции ниже довоенного уровня, сокращая тем самым невосполнимые издержки производства «единой фабрики». Например, «по подсчетам ЦК металлистов, — пишет Ю. Ларин, — в первые 9 месяцев 1922 г. заработная плата на всех действующих предприятиях составляла в среднем только 12,2% продукции. В 1908 г. она составляла 22,7%, т. е. теперь очень существенно понизилась по сравнению с довоенным временем».[147] В тех же отраслях промышленности, которые выпускали потребительские товары, доля заработной платы была еще ниже и почти во всех случаях ниже, чем до войны, так как тресты, пользуясь монополией, взвинчивали цены на свою продукцию.

На всем протяжении нэпа управленческий персонал «единой фабрики» решал, казалось бы, неразрешимую дилемму уменьшения затрат на содержание рабочего и одновременного увеличе-

[139] Труд и здоровье рабочих. Здоровье рабочих на предприятиях г. Москвы в связи с условиями труда и быта. Выпуск 1. М., 1926. С. 71.
[140] Там же. Выпуск III. 1926 г. С. 107.
[141] Карр Э. История советской России. Кн. 4. М., 1989. С. 62.
[142] Ларин Ю. Итоги, пути, выводы... С. 86.
[143] Ларин Ю. Уроки кризиса и экономическая политика. М., 1934. С. 54.
[144] XIII конференция российской коммунистической партии... С. 51.
[145] Ларин Ю. Итоги, пути, выводы... С. 82.
[146] «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину... Т. 3. 1925 г. Ч. II. М., 2002. С. 65.

ния его производительности труда с целью увеличения нормы прибавочной стоимости. Это особенно ярко видно материалам заседаний креатуры управленческого персонала — профсоюзных фракций РКП(б), решавшие все проблемы рабочих масс в интересах «единой фабрики».

Неслучайно, рабочие указывали на то, что, если раньше рабочий сам себя продавал нанимателю, то теперь это делает за него профсоюз в интересах нанимателя. Так, например, рабочие-строители, утверждали, что у них «фашистские союзы и что они заодно с хозорганами, их дело только уговаривать».[148] Подобные утверждения так или иначе звучали в разговорах многих рабочих. В частности, слесарь-весовщик завода «Энергия» говорил, как указывается в сводке ГПУ, что «союзы наши вроде зубатовских, поставленных государством для содействия эксплуатации рабочих», «профсоюз — соглашатель, — заявил рабочий-текстильщик на конференции Ново-Иваново-Вознесенской ф-ки».[149]

О том, что профсоюзы стоят и обязаны стоять на стороне «нанимателей», обязаны заботиться о росте производства прибавочной стоимости, открыто говорил Томский. Так, выступая на VII-м съезде профсоюзов, он заявил: «интересы сегодняшнего дня должны быть подчинены общим классовым интересам завтрашнего дня и ближайшего отрезка времени. Тот или иной момент, то или иное экономическое требование и пожелание должны сочетаться с основным темпом развития производительных сил страны, с темпом социалистического накопления. Вот почему... когда в июле этого года (тогда цены росли — Ю. И.) был выдвинут лозунг, который сводился к тому, чтобы поднять реальную зарплату рабочих, никто из ВЦСПС этого лозунга не поддержал».[150]

В вопросе о приоритетности социалистического накопления профсоюзы четко придерживались установок управленческого аппарата и его партии. «Нарекания на профсоюзы, с гордостью заявлял наркомтруда В. В. Шмидт, — что они не считаются с хозяйственным положением того или иного треста или хозоргана и стараются вырвать и закрепить в той или иной отрасли более высокую зарплату — неправильны: в нашей практике этого нет».[151]

Мы уже отмечали, какие настойчивые шаги предпринимали профсоюзные фракции РКЩб) по удержанию заработной платы на предельно низком уровне. С такой же настойчивостью они пеклись о возрастании производительности труда. Ниже мы отмечаем лишь некоторые вехи этого процесса.

[147] Ларин Ю. Итоги, пути, выводы... С. 67.

[148] Всесоюзный профсоюз строительных рабочих. 31 марта 1928 г. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 85. Д. 85. Л. 9.

[149] «Совершенно секретно». Лубянка — Сталину... Т. 4. 1926. Ч. 1. М., 2001. С. 26.

В годы нэпа существовали два типа предельных ставок заработной платы, определявших потребление рабочего: минимальная и максимальная. Ежемесячная минимальная ставка — в феврале 1924 г. она равнялась всего 4-м руб. 20 коп. — была той заработной платой за нормальное рабочее время, ниже которой ни одно государственное или частное предприятие или учреждение не имели права платить. Ее выплачивали в совзнаках по курсу дня выдачи зарплаты.

Максимальная обязательная ставка с одобрения профсоюзов в 1924 г. устанавливалась не на основе коллективных договоров профсоюзов с администрацией, а посредством государственного нормирования комиссией по зарплате при ЦКК и СТО. В связи с этим в Новгороде, Ярославле, Костроме, Иваново-Вознесенске она была понижена на 20-25%. А на Урале и в Нижнем Новгороде был установлен предел зарплаты по коллективным договорам для всех рабочих. Там, где она превышала предел, ее механически урезали.

В то же время, как указывалось в докладе бюро фракции ВЦСПС в ЦК РКЩб) о состоянии и перспективах зарплаты, «принимая (по сведениям Госплана) среднюю довоенную (1912 г.) производительность труда в 8 руб. по довоенным ценам на один человеко-день, средняя производительность труда по промышленности в марте 1924 г. по отношению к довоенной составит 71,25%». Причем «по данным произведенного ВЦСПС выборочного обследования целого ряда предприятий, а также по общему наблюдению всех работников на местах личная интенсивность труда основных производственных рабочих в одинаковых единицах рабочего времени достигает в массе довоенных норм, несмотря на изношенность оборудования».[152] Иначе говоря, при значительно ухудшившихся условиях питания и быта снашиваемость рабочей силы фабрично-заводских рабочих соответствовала довоенному уровню, который администрация «единой фабрики» всячески пыталась превзойти.

Чтобы с наименьшими издержками восполнять ее убыль принимались меры по широкому привлечению в крупную промышленность подростков и женщин. В августе 1924 г. фракция РКП(б) предложила уменьшить зарплату подростков до 75% пер-

[150] Седьмой съезд профессиональных союзов СССР (16-18 декабря 1926 г.) М., 1927. С. 49-50.

[151] РСФСР. Съезд 11-й. Стенографический отчет. М., 1924. С. 102.

вого разряда. В связи с этим было решено для подростков «установить твердые нормы выработки на общих основаниях со взрослыми. Первый год обучения ставки не должны превышать 75% ставки первого разряда. Второй год обучения — полная ставка по первому разряду».[153]

Последствия такого решения верно указал зам. пред. экономической комиссии ЦК РЛКСМ Булах. «Несомненно, — писал он в своей записке, — что снижение заработной платы поведет к срыву законодательства о труде рабочей молодежи. Уже и сейчас имеются факты работы свыше установленных часов. Стремление увеличить свой заработок поведет к естественному увеличению рабочего дня подростков и к стремлению их работать на сдельных и сверхурочных работах. При этом нельзя забывать, что до 50% подростков больны, и увеличение рабочего дня, несомненно, отзовется на их здоровье».[154]

Принятое решение действительно потребовало коренного пересмотра законодательства о труде, в связи с чем фракция РКП(б) предложила VI всесоюзному съезду профсоюзов следующий проект резолюции по докладу нарком труда В. В. Шмидта: «Учитывая сложившуюся обстановку на рынке труда и необходимость более широкого вовлечения в промышленность труда женщин и подростков VI Всесоюзный съезд профсоюзов предлагает... изменения законодательства о труде.

Сокращение списка вредных профессий, куда подростки не допускаются.

Разрешение 8-ми часового рабочего дня для подростков, закончивших обучение и не достигших еще 18 лет.

Съезд считает необходимым пересмотреть вопрос о запрете ночного труда женщин, а также список особо тяжелых и вредных работ, на которых воспрещается или ограничивается применение женского труда.

Съезд считает вполне допустимым некоторое снижение норм пособий при кратковременных заболеваниях до 7-ми дней, и для находящихся на коечном лечении в больнице, санатории и т. п.».[155] С незначительными изменениями проект был принят.

В октябре 1926 г. были приняты новые меры по интенсификации труда. Закоперщиком выступил Дзержинский, указавший на то, что «повышенная зарплата в связи с пониженной производительностью труда замедляет темп социалистического накопления в промышленности для неотложного обновления основного капитала». В связи с этим по инициативе фракции РКП(б) президиум ВЦСПС принял решение, в котором указывалось: «При оплате сдельщиков за работу в сверхурочные часы исходить из нормального вознаграждения его, под которым надо понимать его повременный заработок, установленный колдоговором, т. е. тарифную ставку, а там, где это предусмотрено колдоговором и гарантированный приработок. Поручить ОТЭ подработать вопрос о том, что считать сверхурочными работами».[156] Решение фактически ликвидировало для сдельщиков дополнительную оплату за сверхурочные часы, в то время как низкие нормы оплаты вынуждали их регулярно трудиться сверх нормативного рабочего дня. В результате затраты рабочей силы становились настолько чрезмерными, что они негативно сказывались на качестве продукции.

И в решениях коммунистической фракции ВЦСПС, и в указаниях наркомов постоянно подчеркивалась недопустимость снижения цен на выпускаемую продукцию в ущерб прибыли предприятий. От руководителей последних требовали удешевления себестоимости в условиях роста изношенности оборудования. Возможности же ее удешевления были крайне ограничены. Они сводились в первую очередь к удешевлению стоимость рабочей силы, доля которой в себестоимости продукции и так была не велика. Поэтому от руководителей предприятий требовалось принятия самых решительных мер, повышавших нормы выработки, с одной стороны, и ограничивавших потребности рабочих, с другой, — для чего их вынуждали пользоваться заводскими лавками. Ассортимент в них был ограничен. Цены выше, чем на вольном рынке. Зато в них кое-что продавалось по заниженным государственным ценам и широко предоставлялся кредит. Срок кредитования устанавливался только от получки до получки. Размер кредита не мог превышать 60% предстоящей зарплаты. Запрещалась продажа в кредит спиртных напитков.

Руководя профсоюзами, фракция РКП(б) вместе с наркоматом труда многое делала по урезыванию скудных средств, выделявшихся на социальное страхование администрацией «единой фабрики». Этих средств и без того было явно недостаточно для государственного обеспечения рабочих в старости, при инвалидности, болезни, потери кормильца и т. д. Об этом хорошо сказал Семашко. «Что такое страховая рабочая медицина, — говорил он.

[152] Доклад бюро фракции ВЦСПС в ЦК РКП(б) о состоянии и перспективах зарплаты. ГРАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 41. Л. 163-164.
[153] Там же. Л. 238.
[154] Там же. Л. 200.

[155] Там же Л. 239.
[156] Заседание президиума от 20-го октября 1926 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 82. Л. 213.

Хотят на этот жалкий взнос, который мы провели через совнарком, провести помощь медицинскую рабочим. Я утверждаю, что это жалкая медицина для рабочего класса. Где у вас амбулаторный прием, где у вас санитарная помощь, где у вас всякая другая помощь, что можно создать на этот страховой взнос в 6-7%, когда по вычислению страховиков необходимо 40%. Почему мы не берем 40%, потому что у нас кряхтит промышленность... Нельзя на этот взнос создавать рабочую медицину... Мы считаем, что за счет всего населения рабочие должны лечиться, но не за жалкий страховой взнос».[157]

Но и эти жалкие страховые взносы не доставались рабочим. Они пропадали в бездонных карманах руководителей «единой фабрики». Так, по данным ЦК союза металлистов, задолженность по отчислениям на социальное страхование до первого августа 1923 г. составляла 3,6 млн. руб., а на первое июня 1924 г. еще свыше 3-х млн. руб. «Целый ряд страховых касс важнейших промышленных районов из-за этого фактически распался. Были случаи избиения руководителей касс больными рабочими, в течение многих недель не получавших пособия».[158]

В дальнейшем даже эти нищенские отчисления постоянно снижались. В частности, в резолюции, подготовленной фракцией РКП(б) для VI съезда профсоюзов по докладу нарком труда В. В. Шмидта говорилось: «Учитывая сложившуюся обстановку на рынке труда... съезд считает вполне допустимым некоторое снижение норм пособий при кратковременных заболеваниях до 7-ми дней, и для находящихся на коечном лечении в больнице, санатории и т. п.»[159] Заметим, что в это же время в разоренной войной Германии, где безработица была по крайней мере не меньшей, чем в России, страховые кассы Дрездена и Берлина предоставляли пособия больным в течение 12-ти-15-ти дней.

Дальше, больше. В приложении к протоколу от 15 октября 1926 г. фракция РКП(б) предложила «сократить размеры пособий по дополнительным видам обеспечения (на предмет ухода за новорожденным, на кормление ребенка и на погребение), а также ограничить круг лиц пользующихся этим пособием... Принять меры к сокращению расходов на выдачу пособий по временной нетрудоспособности путем упорядочения дела освобождения от

[157] Стенограмма заседания фракции РКП(б) пленума ВЦСПС: о кооперации, медицинском обслуживании, социальном страховании, тарифах. ГРАСПИ. Ф.95. Оп. 1. Д 35. Л. 3.

[158] Политбюро ЦК РКП(б) — Бюро фракции РКП(б) От Центрального комитета союза металлистов 24 июня 1924 г. ГРАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 41. Л. 132.

работы и предоставления отпусков по болезни, а также врачебного контроля над застрахованными».[160] В декабре 1926 г. были ликвидированы подкомиссии по изучению и улучшению женского труда. Решение этих вопросов возлагалось на руководителей предприятий.

В связи с ростом безработицы биржи труда ужесточали требования, вынуждавшие безработных соглашаться на выполнение любых работ в соответствии с нуждами «единой фабрики». На основании решений VII съезда профсоюзов считалось недопустимым: 1) отказ со стороны безработных от работы, предлагаемой биржей труда, хотя бы и в другом производстве или в том же, но иного вида труда и иной квалификации, несколько ниже той, по которой он работал на предыдущем месте. 2) отказ от выезда в другие местности одиноких и малосемейных в случае предоставления им квартиры. Если же безработный отказывался трудиться на этих условиях, он лишался пособия, а при трехкратном отказе, как не ищущий трудоустроиться, выбывал из профсоюза.

О размерах страховых пособий, читатель, вспомнив о максимальном обязательном наборе, может судить по постановлению президиума ВЦСПС от 12 января 1927 г. «Пособие выдается, — указывается в этом постановлении, — неквалифицированным рабочим и всем служащим 7 месяцев в течение года, а квалифицированным в течение 9 месяцев, но и в том, и в другом случае не более 2-х лет безработицы. Размер основного пособия квалифицированного рабочего треть средней зарплаты данной местности. Вторая категория -полуквалифицированные рабочие — четверть средней зарплаты. Третья категория — одна пятая средней зарплаты. Установить повсеместно надбавки для нетрудоспособных и несовершеннолетних членов семьи, находящихся на иждивении безработного (тот же круг, что при обеспечении после смерти кормильца семьи) на одного члена семьи в размере 10% основного пособия, на 2-х членов — 20%, на 3-х и более членов семьи — 30%».[161]

Безработица росла неудержимо. Предложение рабочей силы во все большей степени обгоняло спрос. В этих условиях знакомство с чиновниками (блат), а вместе с ним и взяточничество неизменно сопутствовали при устройстве на хорошую работу. «Безработные заявляют, — указывается в сводках ГПУ, — что «биржа труда только регистрирует, но работы дать не может». «Сейчас каж-

[159] Резолюция VI-го всесоюзного съезда профсоюзов по докладу наркомтруда СССР Шмидта. ГРАСПИ. Там же. Л. 239.

[160] Приложение к протоколу № 87 от 15 октября 1926 г. ГРАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 82. Л.220.

дый должен сам себе искать работу, теперь все делается по знакомству, и без протекции на работу не устроишься».[162]

Но, оказавшись на фабрике или заводе, шансы рабочего утратить работоспособность, если не от голода, то из-за болезней и травматизма резко возрастали. По сравнению с довоенным периодом в фабрично-заводской промышленности увеличилась аварийность, а вместе с ней и число инвалидов труда. Из всех европейских стран трудоспособный период фабрично-заводских рабочих России был самым коротким. «По данным довоенной статистики, — пишет А. К. Гастев, — среднее время пребывания русского рабочего в промышленности — 20 лет (в Германии — 30). Таким образом, ежегодно выбывает из строя двадцатая часть рабочих, занятых в промышленности».[163] При большевиках доля выбывавших, несомненно, увеличилась из-за большей аварийности по сравнению с довоенной.

Травматизм был неизбежным следствием интенсификации труда рабочего, не имевшего возможности в еще большей степени, чем до войны, полноценно питаться и отдыхать. «Обследование московских фабрик и заводов в 1926 г., — пишет А. Югов, — установило, что число несчастных случаев на текстильных фабриках было в 2,3 раза, а на металлических заводах в 2 раза выше, чем до войны». Характерно и то, что производственный травматизм пугающе рос из года в год. По всем производствам в расчете на тысячу рабочих за три месяца или на 75 тыс. проработанных человеко-дней приходилось в 1925 г — 24,4 несчастных случая, в 1926 г. — 36, а в 1927 г. — 42,5 несчастных случая.[164]

Положение рабочих на фабриках и заводах усугублялась крайней антисанитарией, теснотой и т. д. производственных помещений. Вот, что, частности, пишет врач, обследовавший в середине 20-х годов состояние здоровья ткачей московской суконно-ткацкой фабрики «Освобожденный труд»: «Теснота помещений ткацкого отдела, недостаточное освещение, плохая вентиляция и повышенная температура, — все это должно способствовать малокровию среди ткачей; сухость воздуха в помещениях ткацкого отделения, наличие в них шерстяной пыли благоприятны для разви-

[161] Об обеспечении безработных. Предложения комиссии т. Довганова, утвержденные 12 января 1927 г. ГРАСПИ. Там же. Л. 193-194.

[162] «Совершенно секретно». Лубянка- Сталину... Т. 4. 1926. Ч. 1. М 2001. С. 913.

[163] Гастев А. Кризис рабочей силы//Вопросы труда... № 10. 1923. С. 15.

тия бронхитов у ткачей, а оглушительный шум от ткацких станков, напряжение внимания — для истерии».[165]

Московские врачи обследовали десятки предприятий. Полученные ими впечатляющие результаты были частично опубликованы в серии выпусков «Труд и здоровье рабочих. Здоровье рабочих на предприятиях г. Москвы в связи с условиями труда и быта». Так, на шелкопрядильной фабрике «Пролетарский труд» туберкулез и катар верхних дыхательных путей были обнаружены у 43% рабочих, малокровие — у 14%; на Трехгорном пивоваренном заводе туберкулез — у трети рабочих, а малокровие — более чем у 20%; на фармацевтическом заводе № 2 туберкулез — у 34,3% рабочих, заболевания органов кровообращения — у 31%, из общего числа беременностей патология — у 34% женщин. На бердо-релизной фабрике им. Бухарина 57,7% рабочих были больны туберкулезом.

На заводе «Арматура» в литейном цехе 83% рабочих были больны. В среднем у каждого больного насчитывалось 2,3 болезни. В механическом цехе соответствующие показатели составляли 58% и 1,5. На дроболитейном заводе «Пролетарская диктатура» у всех мужчин и женщин, занятых в основном производстве зафиксированы заболевания органов дыхания из-за постоянного воздействия свинцовой пыли и свинцовых паров. На втором месте стояли желудочно-кишечные заболевания — 82 из 131-го рабочего были больны. На третьем месте стояло малокровие — им были больны 43,8% рабочих. «Если считать, -пишет санитарный врач Латышев, — средний вес для взрослого мужчины 65 кг, а для женщины 55 кг, то у наших рабочих он ниже нормы. У женщин — производственных рабочих — средний вес около 50 кг, у мужчин — около 60 кг. Принимая во внимание общее физическое развитие (ниже среднего), ослабленное питание, высокая заболеваемость рабочих завода «Пролетарская диктатура» неизбежна».[166]

166 На государственном химико-фармацевтическом заводе 8-го марта лишь четверть рабочих были здоровыми. «Статистика заболеваемости в предприятиях химической промышленности, — пишет санитарный врач, — дает по целому ряду производств только 12% здоровых. В виду этого завод 8-го марта надо признать относительно благополучным. Беря производственную группу рабочих мужчин по стажу, в данной профессии мы

[164] Югов А. Народное хозяйство советской России и его проблемы. Берлин, 1929. С. 214, 215.

[165] Труд и здоровье рабочих... Вып. П. М., 1926. С. 38.

видим, что число здоровых при стаже до полугода почти равно 50%, при стаже в 1-4 года только 30%, а после 8-милетнего стажа мы уже не имеем здоровых. Отсутствие достаточного количества шкафчиков для верхней одежды служит причиной оставления рабочими своей одежды в помещении мастерской около машины или просто на пустых бочках и ящиках из-под трав, корней, мазей. Испачканная различными мазями одежда служит причиной отравления не только самого рабочего, но и его семьи. Плохая изоляция ртутной комнаты в мазевом отделении способствует отравлению рабочих всего мазевого отделения парами ртути, испаряющейся уже при обыкновенной температуре. Примитивное смешивание мазей ручным способом, мешалки со слишком быстро двигающимися крыльями способствуют разбрызгиванию приготовляемых мазей».[167]

На механическом аппаратном заводе «Радио» было обнаружено, что нет заболеваний лишь у 16,7% рабочих. Причем рост болезненности происходил вместе с ростом стажа и, особенно, в первый год работы. У 50 рабочих из 203-х был выявлен туберкулез, на основе чего было сделано заключение: «Относительно удовлетворительное состояние помещений и оборудования завода отчасти могут объяснить сравнительно невысокую заболеваемость рабочих туберкулезом, особенно в активной форме».[168]

Подобных сообщений о чрезвычайно высоком уровне заболеваемости было множество. Они свидетельствуют о том, что для рабочего люда «единая фабрика» была фабрикой смерти, рассчитанной на его быструю сменяемость в условиях существования громадной безработицы.

Медицинское обслуживание и образование неизбежно удорожают стоимость рабочей силы. Поэтому «единая фабрика» в качестве потребителя постоянно минимизирует стоимость этих услуг. Врачи и учителя — это ее парии, получающие среди своих собратьев самую низкую зарплату в мире.

В годы нэпа в особенно бедственном положении находились школьные учителя. Как заметил И. В. Коссиор, учителя получали всего 5 товарных рублей, и, по его утверждению, это было ниже зарплаты любого советского служащего, ниже машинистки и даже курьера.[169] При зарплате ниже зарплаты курьера «развал просвещения в стране, по словам наркомпроса Луначарского, достиг такого предела, перейти который значит окончательно отказаться

[166] Там же. Выпуск 111. М., 1926. С. 67.

от руководства и управления и доразрушить последние остатки государственно-просветительной работы в стране».[170]

В Симбирской губернии, как пишет Л. Н. Лютов, «работники просвещения согласно тарифной сетке могли иметь 15 золотых рублей в месяц. Однако реально учителя, например, Корсунского уезда жалованья с сентября 1921 г. до января 1922 г. вообще не получали, в январе -феврале 1922 г. получили его частично. Пайки же за январь были получены только в 3-х-4-х волостях. Учителя были вынуждены есть хлеб только с примесью 75-ти и более процентов различных суррогатов (лебеда, желудь и т. п.)».[171]

Ни ЦК РКП(б), ни большевистскую фракцию профсоюзов не беспокоил тот факт, что 200 тыс. нищих работников просвещения обеспечивали лишь треть элементарного образовательного уровня, существовавшего в России в 1913 г. Для них практическая значимость учителей была ничтожной. На учителей возлагалась задача с минимальными затратами обучить население лишь элементарным навыкам чтения и письма для усвоения основ большевистской политграмоты. Зато 8/10 расходов наркомпроса приходилось на содержание партшкол, где полуграмотные выдвиженцы, прошедшие огонь и воду гражданской войны, заучивали наизусть политические установки коммунистической партии. По свидетельству Луначарского, в 1927 г. осталось менее 50 тыс. начальных школ, тогда как до революции при меньшем населении было 62 тыс. школы.[172]

Уже в 1926 г. «единая фабрика», проводя курс на свертывание рыночных отношений, вплотную подошла к решению задачи их окончательной ликвидации, которая с невероятной жестокостью была затем претворена в жизнь сталинским руководством. С этой точки зрения нэп послужил лишь ступенью в окончательной реализации восточных начал марксизма в жизни нашей страны.

[167] Там же. Выпуск IV. М., 1926. С. 82, 92, 94.

[168] Там же. Выпуск V. М., 1927. С. 61.

[169] Протоколы и стенограммы заседаний фракции РКП(б) IV пленума ВЦСПС... РГАСПИ. Ф. 95. Он. 1. Д. 38. Л. 7.

[170] Докладная записка бюро фракции РКП(б) Центрального комитета профсоюза работников просвещения в ЦК РКП(б) и бюро фракции ВЦСПС... РГАСПИ. Ф. 95. Оп 1. Д. 36. Л. 2.

[171] Лютов Л. Н. Региональный аспект социальных процессов в первые годы нэпа. 1921-1923. (по материалам периодической печати Симбирской губернии) // Нэп в контексте исторического развития России... С. 169.

[172] Жид Андре. Возвращение из СССР. М., 1990. С. 572..

Подписано в печать 05.04.2005 г.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать на принтере. Усл. печ. л. 4,25. Тираж 250 экз. Заказ №28.

Отпечатано в типографии «Карпов».
109004, г. Москва, ул. Большая Коммунистическая, д. 1/5-7.
Тел./факс: 911-66-92